

Процентов Доверия

София Тэрсэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

София Тэрсэй

60 процентов доверия

«Автор»

2026

Тэрсэй С.

60 процентов доверия / С. Тэрсэй — «Автор», 2026

— Ты меня сейчас доведёшь...— Доведу? Довести можно как до истерики, так и до оргазма, — изгибает бровь, раздеваяще смотря на девушку.— Но всё же, сейчас ты доводишь меня именно до истерики!— Мм...— Что ты улыбишься?
— Так и знал, что ты хочешь меня.

© Тэрсэй С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Спокойной ночи и доброе утро	5
Глава 2: Привкус вина на губах	11
Глава 3: Старт	19
Глава 4: Синий заборчик	28
Глава 5: Розовое полупрозрачное	34
Глава 6: Замок на двери	43
Глава 7: Она	49
Г	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

София Тэрсэй

60 процентов доверия

Глава 1: Спокойной ночи и доброе утро

Пятница

23:20

Вероника сидит за барной стойкой, наклоняясь ухом к новому знакомому, пытаюсь слышать его сквозь громкую музыку.

— Я больше не могу!

— Нам еще по одной! — кричит парень бармену.

— Ты меня спойти задумал? — изгибая бровь, саркастично вопрошает Ника.

— Ни в коем случае! Я просто хочу тебя угостить.

— Мы выпили уже три шота! — Ника пускает смешок, весело улыбаясь.

— И это повод выпить четвертый!

— Как оригинально... — с издевкой заигрывает она.

Бармен ставит перед ними две полные рюмки. Вероника выдыхает, сдает позиции.

— Хорошо, эту и все!

— А что потом? — словно намекаяще вопрошает новый знакомый.

— Потом я вернусь к своим друзья... Я обещала провести с ними время, — с легкостью отвечает Ника, — Все-таки я не знала, что познакомлюсь на баре с таким... — показательно обводит его взглядом, — заботливым парнем.

— Заботливым? — его темные брови неконтролируемо взлетают вверх и Вероника снова издает смешок.

— Да... Ну, по крайней мере, о моем опьянении ты точно позаботился!

— Раз я теперь заботливый, то теперь забочусь о твоём времени и не могу тебя больше задерживать. За что выпьем?

— А у тебя какие идеи?

— Может быть... за твой номер телефона?

— А ты прям все оригинальнее да оригинальнее! Ну давай! — соглашается Ника.

— Но, чтобы за него пить, мне надо его знать!

— Ты не поверишь, но я в этом не сомневалась, — саркастично говорит она.

Вероника вбивает в его телефон свой номер, обращая внимание на время и мимолетно поджимая губы. Парень сразу же ей звонит, чем опять вызывает смешок.

— Да, я тоже запишу. Только напомни, пожалуйста, как тебя зовут?

— Лип. А ты Ника, да?

— Да, — Ника выключает телефон и берет рюмку, — Ну что, тогда уж выпьем за знакомство?

— За знакомство!

Они чокаются и залпом выпивают шот. Ника морщится, закусывая лаймом.

— Ну что ж, Лип, теперь мне правда пара идти!

Ника соскальзывает с барного стула и слегка проводит ладонями по бёдрам, опуская ниже обтягивающее оранжевое платье. Не придает значения оценивающему взгляду карих глаз, привыкнув к подобному вниманию.

— Еще увидимся!

Кивнув новому знакомому на прощание, Вероника не спеша направляется к лестнице на первый этаж. Медленно хлопает ресницами, чуть щурясь от неоновых вспышек света. В

голову активно ударяет алкоголь, из-за чего лестница кажется слишком длинной. Вероника улыбается, проникает в танцующую толпу, покачивая головой под одну из любимых песен. Пробирается к своему столику.

— И ты посмела вернуться без коктейлей? — наигранно злится блондин, — Ты хоть представляешь, сколько тебя не было?

— Я лишь знаю, что мне надо скоро уезжать.

— Да блять... Хоть выпей на дорожку, нам все-таки донесли эти шоты!

— Не беспокойся, шотов мне хватило, Блонди!

— И почему я не удивлен, — Саша не очень любил, когда Ника так его называет, однако настолько к этому привык, что перестал делать ей замечания.

— Плюс ко всему, мне нужно в двенадцать быть дома, и желательно вменяемой.

— А как же твой брат?! Не прикроет? — влезает в разговор рыженькая знакомая, перебивая музыку громче необходимого.

— Я не вмешиваю в такие дела Глеба, — пожимает плечами.

Нет, она не скрывает перед сводным братом тот факт, что является любительницей вечеринок, а не правильной девочкой, которая ходит на ночь только к подружкам. Однако он сам, возможно, склоняется ко второму варианту, поскольку Ника просто не информирует его о подробностях своего времяпрепровождения. По крайней мере, именно так она обозначила это в своей голове.

Когда Ника врала родителям, что идёт к подруге, брат не переспрашивал её после: «Правда ли это?» — видимо, в его голову слишком впечатался образ безгрешной младшей сестры, которая ему всё откровенно рассказывает.

Но признаться честно, Веронике всё устраивает. Брат с детства приучал её всё ему рассказывать, что она и делала, однако, начиная с подросткового возраста, о нем нельзя было сказать того же. По всей видимости, Глеб не желает посвящать её в «грязь», как он один раз выразился.

Ника перестала вести с братом откровенные монологи, когда в 15 лет поделилась с ним первой влюбленностью, а он в ответ взбесился и запретил общаться с тем парнем. Но последней каплей стал разговор, который завела Вероника, негодуя на тему того, что Глеб не делится с ней своей жизнью, но требует этого от нее, чем вызвала в нем сильную негативную реакцию. Тогда случилась их первая серьёзная ссора. Конечно, спустя пару дней они помирились, однако с того момента Ника ограничила темы, которые можно обсуждать с братом. И он, видимо, так и не заметил перемен... Или не хотел замечать?

— Расскажешь о брате? Слышала он... симпатичный, — увидев приподнятую бровь Ники добавила рыжая.

— Он сводный. Достаточно?

— О-о, ты не хочешь о нем рассказывать? — двусмысленно спрашивает она.

— Началось... Я понимаю, что при слове «сводный» у всех стиральная машина перекрывает все мысли, но должен же быть предел? — иронизирует Ника.

— Но ты все еще ничего не сказала и ...

— Может, мне про твоего брата поспрашивать? — в том же тоне вопрошает Ника, однако сдается, и после недолгого молчания добавляет, — Да, хоть и общей крови у нас нет, но он мне как родной, так что прошу. Двадцать лет, красив, умен, высок, силен. Брать будем? Или желание вывести Сашу на ревность на этом успокоилось? — пускает смешок. Спрашивали про старшего у неё не впервой.

Откидывается на спинку стула. Достает телефон из сумки, проверяя, сколько времени у неё осталось.

— Может и буду! Дашь мне его контакт?

— Найдёшь у меня в подписках в открытом аккаунте, не спутаешь. Я вызываю такси, вы остаётесь?

00:03

Ника заходит в лифт, нажимает на шестой этаж. Убирает волосы в хвост, поправляет опавшую тушь, одергивает платье и сильнее кутается в кардиган. С тех пор как ей исполнилось восемнадцать, ей, казалось бы, уже не нужно скрывать перед семьей походы в клубы и свои методы развлечения. Но у Вероники еще давно появилось чувство, что, если о чем-то подобном можно умолчать, то лучше это сделать.

Ника выходит на лестничную площадку, опускает ручку, тянет дверь на себя, попутно вытаскивая ключ. Закрыв все замки с внутренней стороны, она включает в прихожей и коридоре малый свет, садится на небольшой диванчик при входе и разувается.

— Родители спят уже? — не поднимая головы, понимает, кто перед ней.

— Минут двадцать назад ушли в спальню, попросили тебя дожждаться.

Глеб неотрывно смотрит на разувающуюся сводную сестру, пытаясь унять легкое раздражение.

— Поздравляю, ты справился! — саркастично говорит она, — Как же я хочу есть и спать... — практически неслышно жалуется Ника, подходя к брату, — Привет, Глеб.

Ника мягко обнимает старшего, устало перенося на него весь вес своего тела. Слышит глубокий выдох над макушкой, чувствуя, как он обнимает в ответ и поглаживает большой ладонью её спину.

Раздражение Глеба мгновенно заменяет умиротворение, стоило Нике прильнуть к нему в порыве нежности. Они не редко обнимаются, чтобы придавать этому моменту значимости, однако начиная с четырнадцати, Глеб именно так реагирует на прикосновения Вероники. И порой она заставляет сдерживать накачивающие порывы сладострастия, словно намеренно дразня и возбуждая. Но если говорить откровенно, Веронике и делать ничего не надо, чтобы вызвать его стояк.

Она хочет покинуть ставшие слишком тесными объятия, из-за чего её сжимают только крепче, нарочно мучая.

— Мне нужно переодеться, — хихикает, толкает его от себя, — Глеб, пусти... Если я сейчас не сниму лифчик, то просто умру.

— Даже не знаю, соблазнительно это звучит или нет, — пускает смешок Сафонов, нехотя, но всё же выпуская из своих объятий младшую, двигаясь за ней в комнату.

Ника подходит к шкафу и находит среди своей одежды любимую футболку, которую она забрала у Глеба.

— Действительно, у тебя же так мало своих вещей.

— Твоя самая уютная... Ты хоть глаза бы закрыл, раз решил здесь постоять, — отследив как он послушно закрыл глаза, Сафонова снимает кардиган и платье, после снова поворачиваясь лицом к шкафу.

Не испытывая чувства долга или смущения, через пару секунд Глеб продолжает смотреть на девушку, плавая взглядом по полуобнаженной соблазнительной фигуре, задерживаясь на аппетитных округлостях.

— Согласись, мне она подходит больше.

Глеб успешно успевает закрыть глаза, когда Ника поворачивается к нему, и открыть уже с ее разрешения.

— Хорошо, — соглашается он без лишних слов, направляясь за ней на кухню. Наблюдает за виляющими бедрами, которые еле-еле скрывает его футболка. В такие моменты в голову неволей забираются обнадеживающие мысли о том, что, возможно, Ника соблазняет его, испытывая то же, что и он? Однако Глеб не позволяет вопросу разгореться, вынуждая себя остыть и вернуться в реальность.

— Ну что? — останавливается, открывая холодильник, — С моей задницей всё в порядке?

— В порядке, — не смутившись, басит в ответ Глеб, облачиваясь на столешницу.

— Это хорошо... Потому что сейчас я буду её отъедать. Ты со мной?

— Отъедать твою задницу? — иронично вопрошает Сафонов, потянув уголок губ в ухмылке.

— Лучше займись собственной. Со своей я сама справлюсь.

Ника вынимает творожный сыр и хлеб, ставит две тарелки на стол и устраивается на деревянном стуле.

— Держи, — протягивает брату готовый бутерброд и откусывает свой.

Старший садится на соседнее место, принимая поздний перекус.

Вероника разваливается на мягком сидении, ощущая, как слепляются глаза, а мир перед ними слегка искажается, убаюкивая. Без стеснения укладывает длинные ноги на мужские колени, после чувствуя касание тёплой большой ладони к своей коленке. Глеб чуть поглаживает, греет.

— Так... — отстраняется, поднимается с места, — Как говорится, «поели — можно и поспать», — направляется к комнате, — бай-бай...

— Стоять, — строго басит Глеб.

Сафонова разворачивается, приподнимая темную бровь. Однако вскоре пускает легкий смешок, увидев, как Глеб подставляет ей свой профиль, указывая пальцем на щеку.

— Как я могла забыть... — со шепоткой сарказма говорит девушка.

Возвращается обратно, целует его щеку.

— Так-то лучше.

Вероника чуть отстраняется, наблюдает за зависшим в телефоне сводным братом, покашливает, привлекая к себе внимание.

— М-м? — с легкой задержкой переводит взгляд на Нику, пускает смешок, замечая, что она копирует его жест.

Глеб поднимается и слегка наклоняясь целует в ответ.

— Довольна?

— Окрылена счастьем, Сафонов, — в своей манере отвечает она, направляясь в спальню, — спокойной ночи.

— Спокойной, — двигаясь к своей комнате, желает Глеб.

Ника закрывает дверь, по пути к кровати снимает носки и с блаженным мычанием заползает под одеяло, ощутив пробежавшие по телу мурашки усталости. Нежится, устраивается удобней и кутается сильнее, предвкушая сладкий сон.

Суббота

10:20

— Глеб, надень уже какую-нибудь майку! — снова возмущается Амалия на сына.

— Мам, я только встал, — спокойно отвечает на упрек родной матери, попутно крадя один из только что приготовленных блинчиков.

— Глеб! Хватит! Я так их никогда не приготовлю! — она угрожающе направляет на него лопатку, — Иди оденься и разбуди сестру!

Ничего не отвечая, он направляется в комнату Ники, проигнорировав первую просьбу. Не удосуживаясь постучать, Глеб врывается в темную спальню, запуская в нее лучи света из коридора.

— Солнце встало, птички поют, ручейки журчат... Ну и вся остальная поебень, как ты понимаешь, — с легким сарказмом, чуть певуче басит брюнет.

— Мм... Вся остальная поебень это ты? — хрипло доносится из недр комнаты.

— Кто-то хочет получить по заднице с утра пораньше, я правильно понимаю?

Глеб приближается вплотную к кровати, затем нагло ложась прямо на Нику.

— Глеб... Ты меня сейчас раздавишь... Дай поспать!

— Просыпайся, — запускает руки под одеяло, нащупывая рёбра.

— Отстань! Хватит! — свирепствуя и смеясь, начинает извиваться Ника.

Не совсем понятно как, но ей удаётся перевернуться под Глебом, оказаваясь к нему лицом. Сквозь хохот она добирается пальцами до его рёбер, безжалостно щипая.

— Сучка...

— Отстань!

Вероника ловко пихает брата ногами, надеясь поменять их местами. Задача не из лёгких, учитывая, какая гора решила на неё навалиться. Она ударяет Глеба коленом в живот, умудряясь свалить его на бок и оказаться сверху, оседлав крепкий, обнаженный торс.

— Сдавайся!

— Смешная шутка, — басит в ответ.

Скручивает тонкие запястья, скидывая и подминая под себя Веронику.

— Пусти! Ты мне сейчас руки сломаешь, волкодав!

— Признай поражение, Ника.

— Да-да... Теперь слезай, — неохотно отвечает она.

— Нет. Слишком просто выходит... Попроси снова и назови меня папочкой, — неотрывно смотрит на девушку, самодовольно улыбаясь в предвкушении.

— Папочка? — Ника заливается смехом, — Не слишком ли ты наглеешь?

Сафонова пользуется ослабленной бдительностью Глеба и с силой толкает его всеми частями тела влево. Но только она не рассчитала, что Глеб утащит её с собой. Мужское тело гулко бьется о пол, Ника же с силой впечатывается в его грудь, однако никто из них всё равно не унимается. Младшая щипает и отталкивает от себя Глеба, который снова подминает её под себя.

— Что вы тут устроили?! — в дверях появляется Амалия, — Что бы через минуту были за столом! Боже... Как дети малые... — женщина чуть качает головой, удаляясь на кухню.

Глеб прижимает тонкие запястья к полу. Сжимает так сильно, что девушка прикусывает нижнюю губу. То ли из-за слов матери, то ли из-за проявившейся усталости, сводные брат с сестрой замирают. В спальне слышится сбитое громкое дыхание. Щёки наливаются румянцем, а лоб покрывается испариной.

— Всё. Закончили, — твёрдо решает девушка.

— Говори, — чуть хмурит тёмные брови.

— Бро, ну, пожалуйста, — смягчается Ника.

— Не бро, а папочка, — наклоняясь к уху, низко выдыхает Глеб.

— Пожалуйста, папочка, — закатив глаза, проговаривает Вероника.

Она самодовольно улыбается и проходится языком по прикушенной нижней губе.

— Хорошая девочка, — пускает смешок, отстраняясь от нее.

— Иди ты, — в тон ему отвечает она.

Ника натягивает сверху белую толстовку со спортивными штанами и выдвигается в сторону кухни.

— Доброе утро, Ник, — здоровается родной отец.

— Привет. А ты уходишь?

— Да, утренняя встреча. Обнимаю, пока.

— Пока. Уда... — на этом моменте он захлопывает за собой дверь, — ... удачи, — на выдохе договаривает Ника и направляется на окрыляющий утренний аромат блинчиков.

— Доброе утро. У тебя всё хорошо? Этот лось тебя не покалечил? — кивнув в сторону своего сына, спрашивает приёмная мать.

— Не впервой, как говорится. Всё в порядке.

Ника подкрадывается к плите, хватая только что испечённый блин.

— Как же вы с братом мне надоели! С вами ничего не приготовишь нормально! — все же пуская смешок начинает возмущаться женщина.

Оба хихикают, заставляя маму закатить глаза.

— Ник, вот ты не думаешь, наоборот, помогать, а не красть блинчики во время готовки? Беря пример с меня, а не с Глеба.

— Мам, из меня хозяйка так себе. Но если вдруг понадобится спалить кухню — обращайся, помогу, — садится напротив старшего.

— Боже, мы с отцом совсем скоро уезжаем, а никто из вас в готовке ни «бе» ни «ме»...

— Разберёмся, — одновременно ответили Сафоновы.

— Ох... Тебя ж замуж не возьмут.

— Меня? — пускает смешок Глеб.

— Тебя ещё не хватало замуж выдавать! — возмущённо-саркастично восклицает Амалия, — А насчёт тебя, Вероника, я серьёзно!

— Не переживай по этому поводу.

— Та-ак... — хитро протягивает Амалия, ставя тарелку с завтраком на стол, — Ну говори.

— Что?

— Есть мальчик уже, да?

По телу Глеба проходятся неприятные мурашки. Он в напряжении замирает, ожидая ответа Вероники.

— Мам, ты... — выдыхает, прикрывая глаза, — Нет, я не в отношениях, если ты про это.

А что? Ей надо было сказать матери, что у неё есть друг — любовник?

Глава 2: Привкус вина на губах

Суббота

17:30

— Ник! — слышится громкий бас из соседней спальни.

— Что?! — также ленись вставать с кровати, вопрошает Ника.

— Мне мама звонила, сказала, что гости приедут! И кто-то из нас должен комнату освободить!

— Да, я в курсе! Я уступлю! Поеду к подруге!

— Ладно.

Пожимая плечами и возвращая взгляд, но не внимание к книге по праву, Глеб заставляя себя успокоиться. В мыслях мгновенно рисуется образ Вероники в его кровати: как он прижимает к себе ее обнаженное тело и сжимает бедра, а она льнет к нему в ответ.

На самом деле, они не один раз спали в одной постели. Это происходило, хоть и редко. И вспоминая последний раз, который был около полугода назад, Глеб думает, что, возможно, и к лучшему, что Вероника уедет к подруге, поскольку в ту ночь он превозмогал себя, чтобы не сорваться, и так позволив себе больше, чем обычно. По этой причине Глеб не уверен, что его хватит на еще один раз. Не потому, что тренируемая годами выдержка даст сбой, а потому что держаться может больше не захотеться.

В любом случае, Глеб обожает просто обнимать Веронику и нежиться в её руках в ответ, и почувствовав необходимость ощутить ее тепло прямо сейчас, Сафонов лениво поднимается с кровати и направляется к ней в спальню. Ника сидит на своей постели в кругу листов от домашнего задания и что-то вычитывает на компьютере.

— Какие люди ко мне пожаловали, — саркастично говорит девушка, не отрываясь от заданий.

Глеб тянет губы в довольной улыбке, валится рядом с ней. Вынуждает Нику лечь тоже, подгребая ее под себя.

— Какие нежности мы решили устроить... осторожнее! Ты мне сейчас помнёшь все листы!

Глеб ревниво стискивает в объятиях талию, укладывая голову на женскую грудь. Чувствует прикосновение нежной ладони кожей спины, как поглаживания разносят по всему телу умиротворение, которое протягивает за собой мурашки.

— Доволен? — пускает звонкий смешок.

— Да.

— Люблю тебя, братец.

Глеб невесело хмыкает, услышав «признание». Он всегда даёт себе пару секунд на возможность насладиться им, а затем мысленно бьёт себе отрезвляющие пощёчины.

— Может, всё же наденешь футболку? А то у тебя вся спина в мурашках.

— Я тебя тоже, — басит на выдохе, игнорируя вопрос.

В мыслях опять зарождаются размышления на тему будущего, связанного с Вероникой. Да, он слишком много анализирует эту проблему, которая каждый раз раздражает его нервы. Опять появляется мысль: «Что, если сейчас... поцеловать её, или сказать, как именно я её люблю?» — сам себя спрашивает Глеб. Сейчас он снова сдержит себя, но рано или поздно потайные желания вырвутся на волю и терпение закончится.

— Сильно? — с улыбкой в голосе вопрошает Сафонов, возвращая сводного брата в реальность.

— Ага.

19:30

— Всё. С меня хватит.

— Что такое? — пускает смешок, обращая взор на в секунду взбунтовавшуюся Веронику.

— Плевать на образование! Пойду в эскорт, — переводит взгляд на изгибающего бровь старшего, — А, что? Тело у меня очень даже. Будет хороший спрос. Стану богатой, — пускает смешки, не скрывая саркастичной улыбки.

— Это недальновидно.

— Правда? Я не знала, спасибо, Глеб, — закатывает глаза.

— Стерва.

Раздаётся мелодия, Вероника отвечает на звонок.

— Да, алло... С братом... Уже почти восемь? — кидает взгляд на наручные часы Глеба, подхватывая его кисть, — Ладно, буду через час... Пока.

Ника спрыгивает с кровати, направляясь к шкафу, уже на ходу примеряя в своей голове любимые кружева, собираясь к «подруге».

— Глеб?

— М? — не отрывает глаз от телефона.

— Выйди.

— Зачем? — переводит озорной взгляд на Нику.

— Бро, мы, конечно, близки, но не настолько, чтобы я переодевала при тебе бельё, — приподнимает бровь, — Иди! — повышает тон, когда он снова не двигается с места.

— Всё-всё! Ухожу.

Сафонов, в большинстве случаев, её практически не смущает, она легко может переодеть при нём футболку или штаны, поскольку просто привыкла с детства к таким моментам. Но откровенно говоря, последние два года не обращать внимание на привлекательность неродного старшего брата бывает сложно, по этой причине Ника порой ловит себя на оценке Глеба с менее братской точки зрения. Не то чтобы это её пугает, но осознание того, что мысль о сексе с ним не вызывает в ней омерзения, как это обычно бывает у кровных братьев и сестер, её немного напрягает.

Ника скидывает с себя домашнюю одежду, цепляет пальцами черные кружева из ящика с нижним бельем, выбирает обычные серые брюки и майку «алкоголичку», а ещё рассчитывает в очередной раз позаимствовать у Глеба рубашку. Она садится перед зеркалом, завязывает каштановые длинные волосы в объемный пучок и дотягивается до косметички. Вероника чуть выравнивает тон кожи, слегка подводит скулы, красит ресницы и добавляет немного румян. Цепко оценив результат в зеркале, Ника берет свежие носки и направляется в комнату к Глебу, попутно их натягивая.

— Глеб?! — коротко постучав, она распаивает дверь.

— Что?! — в тон ей отвечает он прямо над ухом.

— Мне нужна твоя рубашка... пожалуйста.

— Которая зелёная?

— Ага.

— Ты столько раз её у меня брала, что можешь уже не спрашивать, — пускает смешок, слегка поднимая густую бровь.

— Может, ты мне её тогда подаришь? — сладко вопрошает Сафонова.

— По такой логике я должен тебе половину своих вещей отдать.

— Ну, если тебя это хоть немного утешит, то ты сможешь брать мои, — пускает смешки, снимает с вешалки рубашку.

— Польщён, — саркастично отвечает Глеб.

— Спасибо, — выходит в коридор.

— Стоять.

Ника разворачивается, уже зная, что хочет Глеб. Пускает смешок — Глеб показывает свой профиль, указывая пальцем на щёку. Она чмокает колючий подбородок и направляется к своей комнате. Берет со стула кожаную сумку, проверяет содержимое, бросает в нее блеск для губ с бордовым отливом и уходит.

— Пока!

— Пока, Ник, — бросив взгляд на хлопнувшую дверь, Сафонов возвращается в свою комнату.

20:45

Конец сентября. Солнце одаривает последними лучами заката. Холодает. Ника прощается с таксистом и, выходя из машины, чуть ёжится от ветра. Кутается сильнее в рубашку Глеба, поджимает плечи, заходит в арку, замечая, как звуки большой улицы чуть приглушаются. Оглядывается на детскую площадку с синим невысоким заборчиком.

Входит внутрь дома, расслабляет плечи, ощутив тепло помещения. Подъезд новый и чем-то даже напоминает ей её. Но какая уже разница? Она здесь далеко не впервые.

Ника нажимает на девятый этаж, поворачивается к зеркалу и, напевая какую-то популярную песню, поправляет слегка растрепавшиеся волосы. Вероника покидает кабину лифта, подходит к знакомой коричневой двери и звонит в звонок.

— Привет, Вероника, — тепло улыбается парень.

— Привет.

Том пропускает внутрь, неотрывно наблюдая за разубаивающейся девушкой.

— Ну что? Классика? — не томит.

— Про какую конкретно «классику» ты говоришь? — в тон ей отвечает брюнет, пустив ненавязчивый смешок.

— Вино и фильм, который мы не досмотрим, — с ухмылкой на губах говорит Ника.

— Банально, но, как всегда, заманчиво.

Они идут на кухню за вином и закусками.

Ника скидывает с себя мужскую рубашку, оголяя руки и виднеющуюся кружевную лямку бюстгалтера. Включает кран, взяв ягоды из холодильника. Закусывает губу, чувствуя тёплые пальцы у себя на плече, когда они аккуратно отодвигают края майки.

— Классика? — более низким голосом интересуется Том, обращая внимание на кружево.

— Банально, но, как всегда, заманчиво, — его же словами отвечает на риторический вопрос она.

У Ники нет бабочек под рёбрами от его прикосновений, не учащается сердцебиение от его присутствия, и свадьбы с ним она не воображает. Они не пара. Ника его не любит, Ника любит секс, а Том умеет чувствовать женское тело, о чем прекрасно знает и пользуется, получая любовь и признание со стороны «прекрасного пола».

01:20

Ника поднимается ладонями по обнаженной напряженной спине, гладит затылок, путаясь пальцами в темных волосах. Громко выдыхает от влажных поцелуев по шее.

Том смакующе сжимает упругие ягодички, слегка приподнимая Нику над диваном, снимая с нее брюки.

Между бёдер сладко ноет, по телу распространяется вибрация предвкушения. Том отодвигает края полупрозрачного бюстгалтера, касаясь губами чувствительной кожи, обводит горячим языком напряженный сосок, дразнит, опаляет дыханием, вынуждая Веронику тяжело сглотнуть.

— Ник?

— Да? — потянувшись к его ширинке на выдохе спрашивает она.

— Что между нами?

За свою жизнь она не первый раз попадает в такую ситуацию, ощущая при этом искреннее непонимание. Разве не парни ноют о том, что невозможно без лишних разговоров и ответственности заняться сексом с девушкой, потому что она начинает делать мозги, задавая вопрос: «Что между нами?».

— Ну... — ссора и разборки практически неизбежны, — Мы общаемся и время от времени удовлетворяем физические потребности друг друга, — как можно мягче отвечает Сафонова.

— И всё?! — сразу же грубеет парень, быстро отстраняясь.

— А какой ответ ты ожидал? — изгибает бровь, поправляя одежду и поднимаясь с дивана.

— Как минимум, что ты испытываешь симпатию.

— Понятное дело, что человек будет испытывать симпатию к своему сексуальному партнёру, иначе я бы не испытывала возбуждения.

— Ты это только в таком ключе рассматриваешь?

— А должна в каком-то другом? — снова изгибает бровь.

— Да!

— Очень самоуверенно, не находишь?

— Ведёшь себя как шлюха, — выплёвывает Том, пожимая плечами.

— А ты как недавняя девственница, — Ника не реагирует остро, сдерживает эмоции и говорит отстранённо, хотя внутри поднимается буря, — Мы ведь обсуждали все... — с разочарованием говорит она.

Ника опрокидывает в себя остаток красного вина из бокала, надевает рубашку и направляется к выходу.

— А ты ведь нравилась мне! Думал, что взаимно. А ты оказалась обычной шлюхой, — зло цедит Том.

— Я заберу, ты не против? — показывает на полупустую бутылку вина, игнорируя его слова.

Не дожидаясь ответа, Ника обвивает горлышко тонкими пальцами и делает глоток.

— Пока, — бросив напоследок, Ника захлопывает дверь под испепеляющим недоумевающим взглядом.

Нажимает на кнопку лифта, вызывает такси, попутно продолжая пить. Вероника не влюбляется. С пятнадцати. С того времени на вопрос: «Есть любимый человек?» — в голову лезут только воспоминания с хмурым брови Глебом.

02:10

Глеб приоткрывает глаза на звук открывающейся двери.

Вероника бесшумно пробирается в спальню сводного брата, уже направляясь в сторону кровати и попутно стягивая с себя одежду.

— Ник? — слышится хриплый баритон.

— Ты, что, не спишь...

Он приподнимается на локтях, наблюдая за женским силуэтом в полумраке комнаты. Понимание того, что Ника будет спать с ним всю ночь мурашками предвкушения проходит по телу. Только предвкушать особо нечего, потому что максимум, что он может себе позволить, так это обнять её.

— Ты в футболке? — её пальцы касаются широкого плеча, ощупывая.

— Ага, — слегка мотнув головой, покидая свои мысли, реагирует Глеб.

— Снимай.

Голос Ники звучит спокойно и обыденно, но фантазия Глеба слишком возбуждена, чтобы также спокойно их воспринять.

— Зачем? — хрипло вопрошает Сафонов, не веря в происходящее.

— Мне лень рыться в твоём шкафу, а желанием спать топлес не горю.

Конечно... а что ещё она могла хотеть от него? Глеб едва заметно закатывает глаза, быстро снимая тонкую ткань.

Вероника удобней усаживается на краю кровати спиной к брату. Переодевается. Пытается не шататься от выпитого алкоголя.

Глеб хочет отвлечься, но не может заставить себя отвести взгляд от обнаженной спины, светящейся во мраке комнаты.

— Ты же у подруги должна быть?

— К ней приехал мириться парень... и, если я не хотела тройничок сегодня ночью, мне стоило уехать. Сам понимаешь, — пускает смешок, надевает футболку.

Не сказать, что Ника нажралась... но она достаточно пьяна. В подобную ситуацию она попадает лишь второй раз, поскольку в таком состоянии старается не попадаться семье на глаза. Кто же знал, что придётся? Только брат всё равно пока ничего не замечает.

Ника ложится в постель, кутается в одеяло, прижимаясь к мужскому телу. Глеб звучно выдыхает, чувствуя, как она укладывает обнаженную ножку на его бедра.

— Я уже говорила, что люблю тебя? — доносится мелодичный голос.

Он не успевает полностью осмыслить момент, как подмял Веронику под себя, нависнув сверху. Слышит её дыхание, видит сквозь мрак комнаты черты лица.

— Да?

— Ага, — зевает, игнорируя поведение Глеба.

— И ты... — закусывает губу, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Его будто накрывает наваждение, он больше не хочет останавливаться, — всё мне простишь?

— Да, — пожимает плечами, прикрывает веки, желая отправиться в сон. Приятные, влажные прикосновения губ, сладкой волной проплывают по коже. Это именно то, чего ей сейчас хочется, именно то, чего не хватало. Понимание того, что конкретно на данный момент происходит, снисходит на Веронику резко и неожиданно. Шок отрезвляет. Она распахивает глаза, всё равно практически ничего не видя. Только чувствует. Чувствует требовательные мужские губы, распалюющие желание, задвигающие здравый смысл на задний план. Никин пьяный свободомыслящий разум, совершенно не собирающийся думать о какой-то морали, отпускает ситуацию.

Глеб не сдержался. Не захотел. Крышу с каждой секундой срывает всё сильнее. Мозг отключается. Похоть и чувства берут верх. Ощущение реальности растворяется, ведь Вероника наконец-то в его руках.

Глеб насаждает на неё, не позволяя отстраниться. Он буквально кружит ей голову своим напором и Ника поддается, чувствуя как дурманный туман заполняет голову, а сладостные поцелуи только сильнее пьянят, заставляют забыть о нормах поведения со сводным братом.

Глеб издаёт глухой короткий стон, ощущая отдачу... её руки на своей спине. Укладывает ладони на аппетитные бедра, которые так давно манят к себе, сжимает, прижимает теснее.

Вероника не хочет, не может ни о чём думать. Наваждение поглощает, кутает, путает все мысли.

Его губы впиваются в шею, выбивая из легких воздух, заставляя спину выгнуться дугой. Ника выпускает протяжный стон прямо в ухо, впиваясь в напряженные плечи.

Глеб кусает нежную кожу, после зализывая укус горячим языком, вырывая томное глухое мычание, срывающееся на стон. Вероника сладкая, манящая. Хочется попробовать её всю.

Съесть. Он ползёт ладонью выше, забираясь под футболку. Но вдруг рука Вероники упирается в его грудь.

— Подожди... — на выдохе проговаривает девушка, — подожди... спокойно, — от этого нежного шепота кровь забурила только сильнее.

— Да? — хрипит он, пытаясь и правда чуть успокоиться, взглянуть в ее лицо.

— Мм... я не в том состоянии, чтобы останавливать тебя или сопротивляться, — чуть улыбается, пускает легкий смешок.

Глеб сглатывает, только после её слов почувствовав привкус вина на губах.

— Но всё же должна напомнить, чтобы ты себя ещё раз спросил, уверен ли ты в том, что хочешь сделать.

Уверен ли он?! Конечно. Но не уверен в том, что хочет этого именно сейчас. Глеб элементарно не знает, как сводная сестра отреагирует на обычный поцелуй в трезвом уме, а он и так уже позволил себе большее.

Сафонов закусывает губу и на выдохе валится вбок, переворачиваясь на спину.

Ника облегченно выдыхает, осознавая мизерной трезвой частью, что продолжи Глеб желанное... проблем, выяснений отношений, раскрытых секретов было бы выше крыши, как и с её, так и с его стороны. И началось бы это элементарно с того, что она не так уж невинна, как, скорее всего, думает до сих пор Глеб. Ника отгоняет от себя размышления, желая провалиться в сон. Ничего не смущаясь, возвращается в изначальное положение, закидывая ножку на брата.

Не может сдержать улыбку, ощутив, как Ника снова прижимается к нему. Наверное, Глеб впервые рад, что дело всё же не дошло до секса. Так должно быть. Он сделал первый шаг, пересёк грань.

Интерес к её поведению после пробуждения зашкаливает. Глеб запускает пальцы в её длинные пряди волос, чуть поглаживая и путаясь.

11:40

Ника проснулась с ужасной сухостью во рту, но уже как двадцать минут не может заставить себя встать с кровати из-за головной боли.

Сразу же после пробуждения всплывают воспоминания вчерашней ночи. Однако её не съедают мысли о том, что это неправильно. Разбираться сейчас в своих чувствах и как-то реагировать на произошедшее совсем нет желания. Не до этого. Головная боль и сушняк убирают все остальные мысли. Похмелье и накрывшая апатия делают своё дело, кутая в оболочку равнодушия.

— Глеб,— голос севший, сонный, — Гле-еб.

— М?

Парень приоткрывает глаза, видя на другом краю кровати женскую спину, и недолго думая, приобняв за талию, притягивает к себе.

— Глеб?

— Что? — звучит над ухом низкий хриплый голос.

— Прошу тебя, будь хорошим братом... — Сафонов моментально напрягается, но Нику в руках сжимает сильнее, ожидая утренних разбирательств, — Принеси мне воды, пожалуйста.

— Ладно, алкоголичка.

— Вся в тебя.

— Сучка.

Глеб лениво поднимется с постели, размышляя о том, не изменяет ли Нике память, стерева из воспоминаний вчерашнее? По крайней мере, ведёт и разговаривает она себя с ним, как всегда. Глеб берёт со стула мешковатые штаны, быстро одеваясь и направляясь к двери.

— Подожди...

— Что? — смотрит, как она с головой кутается в одеяло.

— А знаешь, что сделает тебя лучшим человек на этой земле?

— И что же?

— Если ты сходишь для своей любимой сестры за пивом.

— Блять, Ника... схожу.

— Спасибо.

Глеб закрывает за собой дверь, направляясь на кухню, откуда уже доносятся запахи чего-то очень вкусного. Сырники?

— Доброе утро, — слегка обнимая мать со спины, он осматривает комнату, — а где гости?

— Доброе... А, так ты не в курсе? Они не приехали.

— Серьёзно? А почему Ника не знала? — под наблюдающим взглядом женщины наливают в большую кружку прохладной воды.

— Я решила уже не тревожить её, всё равно она у подруги оставалась... И куда это ты понёс?! Разольёшь ещё! На кухне пей!

— Мам, Ника вчера вернулась и... — перебит.

— Правда? — расширяет в удивлении глаза.

— Да. И она не очень хорошо себя чувствует.

— Да?! Пойдём, проведу её тоже!

Амалия спешно направляется к дочери. Стучит в дверь, и не дожидаясь ответа входит.

— Вероника? Что такое?

— Мам? Всё в порядке.

— Держи, — протягивает ей обещанный стакан воды.

Девушка неторопливо выныривает из-под одеяла, принимая вертикальное положение.

— Спасибо.

— Ты... — желающая что-то спросить мать, замирает рядом с кроватью, разглядывая Нику.

Глеб сглатывает. Самодовольная мальчишеская улыбка растягивает рот, когда он видит шею Ники: на бледной коже ярко светят два алеющих засоса. Однако ему приходится вернуть прежний вид лица, чтобы мать ничего не подумала.

— Вероника, что это такое?!

— Что? — допивает, оставляя стакан на тумбочке.

— Губы распухшие и обкусанные, вся шея в синяках! Кто это с тобой сделал?!

И тут Сафонов напрягается, не в силах предугадать ответ, морально готовясь к тому, что Ника ответит Амалии правду.

— Ты про засосы? — обыденно спрашивает девушка, никак не реагируя на обеспокоенный тон.

— Именно!

— Да... ничего особенного. Просто подруга училась делать их, боясь оплошать перед парнем, — пожимает плечами.

— Что-то не верится по твоей шее, что подруга была неопытной!

— Значит она меня обманула.

— А губы? Что с губами?

— Ты же сама знаешь, что, когда я нервничаю, то кусаю их, а у меня скоро зачет.

Сестра несет такую чушь, но делает это настолько убедительно, что Глеб сам чуть не начинает верить.

— Ну, а ты почему молчишь? Ты ж у нас главный псих насчёт личной жизни Вероники, — переводит Амалия взгляд на сына, задорно хмыкая.

— А что мне сказать? — приподнимает бровь, — Я слышал, что подруги могут такое практиковать, — пожимает плечами, ваясь на свою кровать. Он не врёт — пару раз и сам имел удовольствие это видеть.

— Так, ладно. Раз даже твой брат не кипятится, видимо, и правда подруга. Но учти, Ника, то, что творится у тебя на шее — беспредел! На тебя будто маньяк напал!

— Мам, хватит уже, — закатывает глаза.

— Ладно. В общем, жду вас на завтраке, — она выходит, закрывая за собой дверь.

Ника плюхается обратно, прикрывая глаза.

— Ты же помнишь, что...

— Помню, — не даёт ему договорить, изначально поняв вопрос.

Глеб хорошо знает характер сводной сестры, и готовиться к истерикам — лишнее. Но и такая реакция превосходит все ожидания, ведь это беспредельно спокойно даже для Вероники. Ему хочется завалить ее вопросами, но он сдерживается, чтобы не расшатать ее умиротворение.

— Надо идти на кухню. Я надену что-нибудь твоё?

— Ага, бери.

Вероника нехотя сползает с кровати, сразу же оказываясь напротив зеркального шкафа. Бросив изучающий взгляд на шею, девушка хоть и не удивляется, но понимает, что даже после шокированных криков Амалии ожидала меньшего.

— Вот это я понимаю «доброе утро», — саркастично говорит Ника.

Глеб наблюдает за ней темнеющими глазами, обводя взглядом длинные модельные ноги.

— Я не пойму, ты одичал за те часы, которые меня не было? — смотрит, как он садится на ближайший к ней край постели, начиная далеко за гранью приличного изучать её тело, — Или, может, у тебя недотрах? Проститутку вызвать тебе? — саркастично вопрошает Вероника, не скрывая своего недовольства.

— Нет. Мне нужен один конкретный человек.

— Ещё скажи, что это я, — иронично хмыкает Вероника.

— А ты у нас догадливая.

Глеб сжимает женское запястье, бесцеремонно притягивая к себе и опрокидывая Нику обратно на кровать.

— Успокойся, — приземляюще и холодно говорит Сафонова, в упор смотря на нависшего над ней сводного брата.

— Знаешь, мне начинает казаться, что ты не понимаешь, что происходит.

— Понимаю, тебе делать нечего.

Брови Глеба взлетают вверх. Происходит самый паршивый вариант событий: Ника не воспринимает его действий всерьёз.

— Бред не неси, — тон грубеет, — Я...

— Не надо! Не надо мне ничего говорить. Просто забудем.

Она перебивает, не позволяя продолжить, словно боится в полной мере осознать масштабность происходящего, будто если Глеб заговорит — оправдать его уже будет нельзя.

Глава 3: Старт

17:30

Дождь не утихает уже третий час. Бьющие по стеклу капли убаюкивают, заставляя веки тяжелесть и маня ко сну.

Голова болит от надоевшей математики и тошного похмелья, а серые тучи ещё сильнее омрачают день.

— Ммм...

Касается ладонью синеющей шеи, поглаживая, желая утихомирить неприятные ощущения. Устало укладывает голову на стол, накидывая сверху капюшон от уютной мужской толстовки. В мыслях снова всплывают губы Глеба, и дело в том, что Ника полностью уверена в том, что вовсе не думала бы об этом, если бы не оставленные им засосы, которые постоянно ноют, напоминая о прошедшей ночи. Но больше всего ставят в тупик размышления о том, что при всем скептицизме Вероники к поцелуям, считая их проявлением чувств и лишней деталью во взаимоотношениях с нелюбимым партнёром по сексу, воспоминания о поцелуе с Глебом отзываются приятными мурашками.

Ника покусывает губу, не в силах уйти от настигших мыслей по поводу сводного брата. Было бессмысленно и глупо отрицать, что он опытен и умен... И будь это не брат, Ника стопроцентно не упустила бы такого страстного любовника. Но после подобных раздумий в голову лезет один назойливый вопрос: «Что, если дело не в умении Глеба, а именно в нём самом?» — на это девушка лишь саркастично усмехается, думая о своей недалёкости.

Вероника полностью уверена в том, что у Глеба случился этот порыв из-за своеобразной скуки, что ему просто надоели привычные сексуальные эксперименты и ему захотелось экзотики.

Вздрагивает от грома за окном, осознавая, что незаметно задремала. Выдыхает. Поднимает голову со стола, отлепляя от щеки приклеившийся листок с уравнениями. Откидывается на спинку кресла, прикрывая глаза и прислушиваясь к успокаивающему дождю. По телу пробегаётся легкий озноб из-за пробравшегося под одежду ветра. Ёжится, лениво встаёт к окну, захлопывает, попутно рассматривая плаксивую картину на улице. Деревья ужасно косит, дождь усиливается, а вдобавок к нему сверкают молнии.

Ника отворачивается от окна, слегка опираясь о широкий подоконник, испепеляя взглядом голубых глаз надоевшую алгебру, по которой завтра контрольная. Её ведёт до безумия вредный учитель, не дающий ничего никому пересдавать.

Нервы расшатаны, накалены до предела, а виски отдают пульсацией. Решив, что тут не обойтись без ароматной свечи, Вероника открывает ящик и выбирает свой самый любимый запах, который умеет поднять настроение своей заигрывающей с кислинкой сладостью. Ника ставит свечу на стол и поджигает, черканув по коробу спичкой.

... Брату пришла какая-то хрень в голову, а она ещё переживать будет? Нет, Сафонова не собирается ломать голову над его поведением. Как подурачился — так и успокоится. Выходка хоть и новая, но выдавать не укладывающейся в голове дичи — Глеб просто обожает. Как, впрочем, и Ника.

Подходит к зеркальному шкафу, желая переделать пучок, но в итоге распускает длинные каштановые волосы, массируя кожу головы и вдыхая распространяющийся аромат свечи, практически мурлыча от расслабления. Бросив последний взгляд на отражение, девушка чуть пятится и садится в кресло. Несколько раз прокрутившись в мягком кресле, она снова нависает над тетрадью.

— Ответ... — еле слышно говорит себе под нос, слегка покусывая губу.

Выводит цифры, заканчивая задачу и переходя на следующее задание — уравнение.

Подумать только, их родители уезжают в другой город, а они с братом так и будут дома только уроки вместе делать. Девушка пускает короткий смешок с маленькой долей разочарования: «Это не может продолжаться вечно. Глебу стоит узнать хотя бы о части моей жизни вне дома. Тем более, как оказалось, я для него уже не такая и маленькая...» — Ника поджимает губы. Однако обдумывание всплывшего вопроса прерывает новый, уже математический: «Сколько, мать его, будет шесть поделить на шесть?! Один или ноль?!» — Ника изумлённо пялится на злосчастные цифры, понимая, что и правда не знает.

— Я только что решила одну из самых сложных задач из предстоящей контрольной, — пытаюсь успокоиться, проговариваю на выдохе Сафонова, — и не могу поделить шесть на шесть... Только не говорите мне, что я успела деградировать за пару долей секунды!

Лезет в калькулятор, но вместо этого на экране высвечивается «Блонди». Одновременно со звонком раздаётся короткий стук, после которого на пороге появляется двухметровая фигура Глеба.

— Что у тебя случилось? — издевательски изгибает бровь, кусая бледно-жёлтый банан.

— Ты про что?

— Ты орёшь на всю квартиру, что деградируешь.

— Мм... Сколько будет шесть поделить на шесть?

— Ник, — по комнате разлетается басистый смешок, — будет один.

— Так, — быстро помечает что-то в тетради, снова откидывается на кресло, — благодаря, всезнающий, — благодарит, отвечая на звонок Блонди.

Брат же нагло проходит дальше в комнату, спуская ниже кожуру банана и разваливаясь на всю кровать. Он знает, что она не любит, когда присутствуют при её разговорах, но кто там может быть, чтобы ему нельзя было слышать? Ника бросает на него недовольный взгляд, но вслух не возмущается. Глеб кусает банан и лезет в телефон, открывая сообщение от «Ужаса» — ближайшего друга, прозвище которого закрепилось за ним после того, как он, напившись, испугался своего отражения.

Ужас: Зацени, с какой тёлочкой я на днях пил.

Следом идёт фотография, сделанная со спины идущей девушки, с сексуальной фигурой, в облегающем коротком оранжевом платье.

Глеб: Горячая. Спереди также?

Ужас: Да-да, даже лучше.

Глеб: И где ты её нашёл?

Ужас: Скорее она меня. Думаю над тем, чтобы позвать её в следующую субботу на нашу тусовку, она тебе понравится.

Глеб: Не сомневаюсь, Лип. Ревновать не будешь?)

Ужас: Конечно буду. Тебя к ней.

Глеб издаёт неслышный смешок, представив интонацию друга. Переводит взгляд на разговаривающую по телефону Нику, слегка прислушиваясь, однако скоро снова лезет в переписку с лучшим другом, почувствовав в руке короткую вибрацию.

Ужас: Кстати, у нас завтра пары вечерние, в бар не хочешь сегодня?

Глеб: Я за.

Ужас: Давай ближе к одиннадцати встретимся, я хочу успеть до этого на новый ужастик сходить.

Глеб: Ок.

За просмотром фильмов подобных жанров Лип всегда выглядит очень смешно, и вне зависимости от степени страха переживает за судьбы героев, хоть и старается этого не показывать.

Глеб откладывает мобильный и выкидывает кожуру, удобнее устраиваясь на подушках и рассматривая спальню дамы своего сердца. В её комнате очень уютно, особенно под вечер. Из правого дальнего угла комнату освещает тёплым светом торшер, из левого ненавязчивым розовым светом небольшая лампа, на прикроватной тумбочке и рабочем столе зажжены свечи, дающие Никиной спальне запоминающийся уже привычный аромат... Письменный стол завален учебниками и множеством тетрадей. И главное — она: сидит на кресле в позе лотоса, имея привычку всё время подбирать под себя свои длинные ножки, одетая в его толстовку, из-под которой виднеются два ярких засоса. Ника кажется до невозможности домашней и сексуальной. Хочется приманить её к себе и поймать, больше никогда никуда не выпуская. И словно прочитав мысли Сафонова, девушка вешает трубку и идёт к нему, одаривая по пути усталой улыбкой. Она тоже ложится на кровать, устраиваясь рядом.

Молчание затягивается, оба смотрят в потолок. Слышатся только бьющие о стекло капли и завывающий за окном ветер.

— Знаешь, иногда я действительно хочу, чтобы ты знал обо мне больше...

— Я, по-твоему, мало о тебе знаю? — саркастично басит Глеб, поворачивая голову на сестру.

— И я попробую это исправить, — словно мысли вслух витают по комнате.

— Я заинтригован.

Вероника прекрасно слышит скептицизм в голосе брата, но это более чем ожидаемо.

— Глеб, может, отменим репетитора на сегодня? Я выдохлась и так уже.

— Поддерживаю.

— Скажи ты ей, хорошо? А то последние два раза я ей писала.

— А, что мне за это будет? — сразу же всплывает идея в голове.

— Глеб, ну не будь врединой! — возмущается Ника.

— Ни тебе правила в данный момент устанавливать.

— Ага.

— Мне повторить вопрос? — голос становится строже.

— Ничего нового, годы идут, а мы не меняемся. И что же ты хочешь? — на выдохе интересуется Ника.

— Хочу, чтобы ты меня поцеловала, — басит, не отрывая от нее изучающего взгляда.

Вероника же легко поддается вперёд, касаясь губами слегка колючей щеки, но после изгибает бровь, не понимая реакцию старшего.

— Наивно, — тянет рот в ухмылке.

Сафонова, хоть и нежеланно, но быстро осознаёт, что имеет в виду сводный брат. Выдыхает, садясь на кровати. Виски от происходящего загудели пуше прежнего, она раздражается.

Снова поворачивается к наблюдающим за ней карим глазам.

— Ты меня заебал, — беззлобно констатирует Вероника.

— Так уж прям заебал? — двусмысленно хмыкает Глеб, также усаживаясь напротив, смотря снисходительно и изучающе.

— Без пошлостей, Сафонов! Хватит! Подурачился, ладно, но успокаивайся теперь, иначе моя психика просто не выдержит.

Её плечи вздымаются чаще и усиленнее обычного.

— Ты вроде мудрая девочка, но в упор не хочешь замечать очевидных вещей, — с лёгкой нотой осуждения басит он.

— Глеб... — выдыхает, видно, что сдерживает себя, чтобы не наговорить лишнего, — Думай, что хочешь.

— Согласен, потом это обсудим. А сейчас, целуй меня.

— Так, видимо, мне придётся выйти из своей же комнаты, — демонстративно встаёт с постели, но в ту же секунду её запястье попадает в ловушку.

— Мне повторить? — со стальным оттенком в голосе, бархатно вопрошает Глеб, на что Ника на мгновение замирает, уставляясь на него в замешательстве, чувствуя, как от макушки по всему телу проходит дождь из тысячи маленьких иголок, перехватывая дыхание.

Она всегда знала, что Глеб не из робкого десятка, но в этот раз что-то не так. Всё не так. Глеб не показывал себя с... такой стороны.

— Эй! Хватит вести себя как мудака. Отпусти меня, иди в свою комнату и проанализируй, что творишь, — холодно проговаривает девушка, дёргая руку на себя.

Глеб так и слышит в девичьем голосе прорывающиеся нотки агрессии, которые может услышать только он в силу того, что изучил взгляд своей названной сестры.

— Не переживай по этому поводу, я отлично знаю, что и для чего делаю.

Сафонов поднимается с постели, продолжая удерживать женскую кисть, смотря сверху вниз в голубые глаза, ощущая поднимающийся между ними ураган, что так будоражит нутро.

— Я всё ещё жду твой поцелуй, принцесса, — тянет уголки губ в довольной улыбке.

Бархатный голос над ухом вызывает нарастающие противоречия, а изумление от его действий и слов по отношению к ней никак не уходит. Хлопает ресницами, будто хочет проснуться, развидеть, будто не верит происходящему. Неосознанно пятится, несмотря на то что Глеб всё ещё держит её за запястье.

— Если тебе так сложно ей позвонить, я сама это сделаю.

— Мне похуй на этот звонок, Вероника, — в голосе мелькает раздражение, — я хочу, чтобы ты меня поцеловала.

Ника прислоняется спиной к двери, продолжая неотрывно сверлить взглядом старшего, стараясь не показать своего истинного состояния: она будто видит привидение и не может адекватно среагировать. Глеб без чувства смущения требует желаемого, и его настойчивость неожиданно отзывается окрылением внизу живота.

Глеб нависает над Никой, пока она стойко держит холодный взгляд, пока внутри неё взрываются какие-то неизведанные ранее салюты.

— Я сказал — целуй.

Ощущает его дыхание на своём лице. Непередаваемое чувство, пугающее. Как же хочется, чтобы Глеб испарился из комнаты, дал спокойно выдохнуть и успокоиться. Но поскольку он пока не собирается покинуть её спальню, остаётся лишь один выход к тому, чтобы избавиться от чрезмерных эмоций.

— А потом отстанешь от меня? — полушёпотом интересуется, пока он перехватывает вторую кисть, снова пуская по жилам электрический ток.

— На пару часов точно, — хрипло отвечает Глеб.

Разряд. Ника подаётся вперёд на оставшиеся между ними миллиметры. На неё будто выливают кипяток, и жар в мгновение наполняет тело, окутывая грудную клетку. Это прожигает паутину мыслей, это отстраняет от морали, отдавая на растерзание сладостным ощущениям.

Не сдерживается, с каждым разом всё плотоядней впиваясь в его губы, увлекая за собой, заставляя Глеба теряться в ней, вводя в поверхностное недоумение от её неожиданно сильного напора.

Девушка забывается, углубляет поцелуй, делает его более влажным, наполняет желанием, игрой. Приглушённо стонет, чувствуя, как Глеб захватывает её действия, выходя на роль доминирующего, сметая напрочь остатки здравомыслия.

Вероника сводит его с ума, окунув в бездну своей инициативы и даруя ему то, о чём он так долго грезил: чувствовать переполняющий её жар от его прикосновений, чувствовать её желание. И сейчас он не сомневается — Ника хочет его. Наваждение это или потайные желания, в данный момент не имеет значения, ведь она в его руках... возбужденная, желанная и горячая.

Глеб ослабляет хватку, собираясь устроить свои ладони на более интимном месте, однако встречает сопротивление, а после болезненный отрезвляющий укус.

Они стоят друг напротив друга. Пронизывают друг друга взглядом.

Молчат. В спальне слышится тяжелое сбитое дыхание и отдающий в ушах пульс.

— Думаю, этого было достаточно, — как можно собранней говорит Ника, но хрипота всё равно окутывает голос, а грудная клетка вздымается слишком часто.

Он наслаждается её состоянием. Поедает глазами. Закусывает губу, самодовольно приходя к удовлетворяющему его выводу.

— Ты меня хочешь, — уверенно басит Глеб, хищно смотря на девушку.

Ника чуть щурит глаза, слегка наклоняя голову вбок.

— Наивно, — специально копирует его тон и недавно произнесённое слово. Отстраняется.

И это неожиданно задевает. В сердце неприятно колит, а в горле вдруг резко пересыхает.

— Твоё право обманывать себя, — хмыкает Глеб, выгибая бровь и бросая на сводную сестру последний взгляд, после чего покидает комнату.

Ника выдыхает. Желает думать о чём угодно, только не анализировать свою реакцию и не заниматься самокопанием.

Не задумываясь, тыкает на первую попавшуюся незамысловатую попсу на экране телефона. Падает звездой на кровать. Тянет за верёвочки, стягивая капюшон, из-за чего на виду остаётся только подпевающий в пол силы рот.

Мобильник начинает попутно издавать пиликающие звуки от приходящих уведомлений, и девушка слегка выглядывает из-под кофты, переводя взгляд на пришедшие сообщения.

Лип: Что делаешь?

Ника: У меня нереальная вечеринка с домашним заданием.

Лип: Кстати, насчёт вечеринок. В субботу я организовываю одну, придёшь?

«На самом деле, это именно то, что надо. Шумная тусовка с кучей незнакомых лиц, где можно будет хорошенько оторваться и, возможно, даже потрахаться, если найдётся симпатичный мальчик. Да и сам Лип... очень даже», — размышляет Ника.

На самом деле, мысли Ники имеют довольно утрированный характер из-за недавнего конфликта с половым партнёром, сексуального голода и поведения старшего. Вероника далеко не любитель секса с одноразовыми незнакомцами, поскольку даже не экспериментировала подобным образом.

Ника: Мог даже не спрашивать, а просто адрес кинуть)

Лип: Но я же всё же джентльмен.

Ника: Получается, ты заботливый джентльмен? Ну ты практически идеал.

Лип: *смущающийся смайлик

Лип: Если хочешь, можешь привести подруг.

На самом деле, подруг у неё не было, только два близких друга: Саша и Саймон. С женским полом она имеет дело только в общении, как с хорошими знакомыми. Так уж вышло, и саму Нику всё вполне устраивает.

Ника: Без проблем.

19:20

Глеб стоит на кухне, большими глотками выпивая пакет сока. Чуть не обливается, когда рот тянется в улыбку от всплывающего воспоминания о горячих губах Вероники.

В уши врезается звонок в дверь. На пороге оказывается какой-то светловолосый парень с двумя стаканчиками из кофейни напротив.

— Ну? — в ожидании изгибает бровь Сафонов, кивнув гостю.

— Ты Глеб? — передразнивая, также поднимает бровь.

— А кто спрашивает?

— Саша.

— Мы не ждём никакого Сашу.

— Правда? Может... вы ждёте Блонди?

И по лицу Глеба можно понять, что он, как минимум, испытывает лёгкое замешательство, вспоминая как Ника произносила это «имя» во время своего сегодняшнего звонка.

— Блонди... Дай угадаю, тебе устроили допрос? — появляется в коридоре Вероника.

— Пару вопросов точно спросили, — протягивает ей напиток под испепеляющим взглядом Глеба.

— Кто это? — не смущаясь присутствия гостя, с нотками раздражения вопрошает Сафонов.

— Это мой близкий друг — Блонди, любитель неоднозначных напитков, — намекая на кофе в руках парня, говорит Вероника.

— Сучка, опять ты по новой...

— Скажи спасибо, что я решила не продолжать.

— Не продолжать что?

— Говорить о том, кто именно обычно предпочитает пить лавандовый раф!

— Блять... Ладно, это не в моих силах.

Неожиданно для самого себя, Глеб начинает успокаиваться. Их стиль общения и правда тянет лишь на дружеский. Тем более, как он по себе знает, женский пол прихорашивается перед приходом объекта симпатии, в то время как сестра лишь переделалась в другой спортивный костюм для прогулки.

— Лавандовый раф... — шуточно нагнетая шепчет девушка.

— Давай быстрее, местный ценитель, — поворачивается к зеркалу, поправляя рукава.

Первый раз за очень долгое время Ника знакомит сводного брата с кем-либо из своего круга общения. Слегка нервничает, наблюдает за поведением Глеба. Во взгляде читается раздражение, но он особо ничего не говорит, изучая их с Блонди взаимодействие и «уровень» дружбы. Саша такого же роста, как и Глеб. Они будто два огромных лося, таращащихся друг на друга в прихожей. Правда блондин всё же меньше увлекается спортом, из-за чего выглядит менее внушительно.

Слышится рингтон телефона Сафонова из кухни.

— И куда пойдёте? — вопрошает Глеб.

— Гулять идём, гулять, — еле заметно, закатывая глаза, отвечает Ника.

Выдыхает, когда брат бросает на неё многозначительный взгляд, после всё же удаляясь из коридора к звонящему мобильному.

— Думаешь, уживёшься без родителей? — отпивая из стакана, с долей скептицизма вопрошает Орлов.

— Других вариантов у нас нет, — зашнуровывает кеды.

— Надолго они уезжают? — открывает входную дверь, проходя к лифту.

— Точных сроков не знаю... И они сами тоже... поэтому мама переживает, что никто из нас с братом готовить не умеет, — пускает смешок, закрывая дверь на ключ.

— Когда из родительского дома съезжал я, отец ебал мне мозги из-за того, что он готовить не умеет, привыкнув к моим стейкам из мраморной говядины.

— Чувствую, что ты будешь приезжать к нам на срочные вызовы, — заходят в лифт.

— Я за два года нашей дружбы первый раз у тебя дома побывал сегодня, и то в коридоре только потоптался, а ты думаешь, что получится меня каждый раз звать, когда ты пожрать захочешь? — коротко смеётся блондин.

— Так родители же уедут, — выходят из лифта.

— Познакомившись с твоим старшим, я всё же предположу, что дело не в родителях.

— Ну ты прям пример проницательности, — вдыхая глубоко прохладу сентябрьского вечера, говорит Ника.

— Кстати, твои предки едут в тот же город, где мой отец живёт, — отпивает лавандовый раф.

— Точно, — кивнув, соглашается Сафонова.

В кармане у Орлова звонит телефон, и чуть замедлившись в своём шаге, он достаёт мобильник, неловко поджимая губы. Ника читает на экране «Маша», так же коротко анализируя эмоцию на лице друга, который не отвечает звонившей, убирая сотовый обратно.

— Это с которой ты в баре познакомился месяц назад?

— Да. Неплоха в сексе, но в последнюю неделю у меня не пропадает ощущение, что сексом начинают заниматься и с моими мозгами, если ты понимаешь, о чём я. Да ещё и пытаюсь делать это незаметно, типа, чтоб если я заметил, подумал, что мне кажется.

— Хочешь сказать, что Мария хочет перевести ваши отношения на новый уровень? — делая ироничный акцент на имени, уточняет Сафонова.

— Именно так.

Мысли неожиданно посещают воспоминания о сегодняшнем поцелуе, вынуждая Нику чуть мотнуть головой.

— Вопрос, — делает глоток своего чая.

— Валяй.

Саша и Глеб имеют одно заметное сходство — оба имеют большую популярность у женского пола и оба этим бессовестно пользуются.

— Становилось ли тебе когда-нибудь скучно с обычным типажом твоих сексуальных партнёров?

— Если ты о том, появляются ли у меня мысли о серьёзных отношениях — мой ответ — нет. Поэтому меня и напрягает смена поведения девушки... как в ситуации с Машей, например. Я считаю, что в нашем возрасте мало вероятно построить что-то адекватное.

— Я не об этом, — выждав пару секунд, говорит Вероника, — я говорю скорее про... не начинало ли тебя тянуть на что-то более запретное?

— Типо в примерочной потрахаться? — издаёт смешок Орлов, а потом тихо добавляет: — ... Не зашториваясь...

Оба начинают смеяться, распространяя хохот по всей улице, из-за чего пара людей недоумённо на них оборачивается. Одобрительно хлопая друга по плечу, Ника решает не продолжать выбранную тему, и так понимая, что Блонди ответил бы на её вопрос словом «нет», ведь раз он не понимает, о чём она, то мало вероятно, что с ним случалось нечто подобное.

Сейчас нет даже одиннадцати, а он пьян. Зато домой явится практически трезвым. На фоне довольно громко играет кто-то из рэперов, а блики неоновых цветов мигают перед глазами.

— ... Мы сидели за похожей стойкой, — кивает мулат, допивая свой виски.

— Лип, ты никак иначе, влюбился, — пускает смешок Глеб, смеющимися глазами поглядывая на друга, — опять...

— Не бросайся такими высказываниями!

— Надейся.

— А вдруг и правда?

— Ага, смешно... Если только как в прошлый раз, — саркастично басит Сафонов, намекая на то, что Лип каждый раз «влюбляется».

— Не-не... Как в позапрошлый! — захохотал он, улавливая иронию, — А что насчёт тебя, наше местное «холодное сердце»? Я начинаю беспокоиться.

— О чём? — выгибает бровь.

— О том, что только я имею тебе мозги о своих пиздастраданиях, мне становится неловко.

Глеб выпивает ещё один шот, задумываясь о своём, поймав паузу в разговоре и слегка сменяясь в настроении. Переводит взгляд в сторону стойки, где сидит девушка, всеми жестами показывающая свою заинтересованность.

— Ты ей понравился, — также проходит оценочным взглядом Лип, шурша упаковкой из-под сухариков, доставая её из кармана.

— Знаю.

— Так-так, раз ты не горишь желанием потрахаться сегодня, что странно для тебя... — закидывает в рот сухарик, с удовольствием прожёвывая, — поговорим о... более высоком, — с ноткой сарказма решает друг, — я же реально всё время в ком-то заинтересован, мне вечно кто-то нравится и мы это обсуждаем, ты же ни разу ничего такого не упомянул. При том, что ты многим девушкам нравишься!

Глеб понимает, предвидит, что, если друг продолжит тему, то он скажет. За прошедшие пару дней Глеб начал основательно тянуть обстоятельства на свою сторону и открыто наступать на девушку, не желая более себя останавливать, поэтому, относительно быстро поразмыслив, Сафонов решает, что причин умалчивать о своей влюбленности уже нет.

— Ты же знаешь, мне можно сказать, — допивает газировку, закидывает в себя ещё два сухаря, — Есть хоть кто-нибудь?

Глеб молчит, в то время, пока Лип терпеливо ждёт, будто чувствуя, что друг борется с собой.

— Я влюблен в свою сестру, — не свойственно себе практически тараторит Глеб.

Между ними повисает тишина, и музыка с множеством других голосов — не спасают. Лип заостряет взгляд на одной точке, пытаясь понять, не послышалось ли ему.

— Подожди... я просто все время забываю, она тебе родная, наполовину родная или...

— Она сводная. У нас оба родителя разные.

— Блять! Ты угораешь?! Это даже не инцест!!! Сказал еще так: «в сестру»! — передразнивает.

— Есть сложности.

— И что тебя напрягает?

— Она, — пожимая плечами отвечает Глеб.

01:05

Глеб выходит из кабины лифта на своём этаже. Не сказать, что он очень пьян, но трезвым приехать не получилось точно.

Звякает ключами, открывая тяжёлую дверь квартиры, неожиданно встречая включённый на кухне свет и звуки фильма в гостиной. Удивляется Глеб потому, что родители всегда ложатся спать не позже одиннадцати, а сейчас уже за полночь.

— Глеб, это ты там пришёл? — доносится с кухни голос Амалии.

— Нет, не я, — ровно басит в ответ, разуваясь и отставляя чёрные кеды в обувной шкаф.

— Какао будешь?

— Буду, — заглядывая к маме, довольно отвечает Сафонов, являясь ярым любителем этого напитка. Впрочем, как и его сводная сестра.

Амалия с самого детства приучила их к питью какао перед сном. Конечно, во взрослом возрасте не всегда удастся соблюдать эту традицию, но, когда получается выпить любимый напиток поздним вечером, спится гораздо крепче.

Помыв руки и быстро переодевшись в домашние серые треники и футболку, Глеб возвращается к матери, целуя ее в щёку.

— Да, я тоже люблю тебя, сынок, — помешивая ароматный напиток, нежно говорит женщина, поправляя упавшие на лицо тёмные волосы, — Глеб! Глеб! — возмущается и смеётся Амалия, когда Глеб, сжимая её со спины в своих объятиях, приподнимает над полом и начинает кружить вальс, — Поставь меня на место, пьянь! — отпускает хохочущую мать, — Иди сестру мучай! Меня не впутывай, я вам какао делаю!

— Дело в том, что ко мне, видимо, даже идти не придётся, — иронично говорит Вероника, — я прилетела на зов моей любви.

— Неужели? — изгибая бровь, низко басит Сафонов.

— Я про какао.

— Ах ты про какао... — наигранно мстительно произносит старший, наступая на Нику.

— Глеб, отстань от неё! Да что ж ты будешь делать... — наблюдая, как сын, закинув Нику на плечо, удаляется из кухни, Амалия качает головой.

— Это их от нехватки какао так мутузит или от переизбытка? — зайдя сразу после вылетевших с кухни детей и проследив за их траекторией, вопрошает отец семейства.

— Нет, Антуан, это их обычное состояние, если ты до сегодняшнего дня не понял.

Глава 4: Синий заборчик

17:30

За Никой захлопывается дверь подъезда. Из дома её выгнала нехватка сливочного сыра и шоколадной пасты. Плюс ко всему, увидев мизерные остатки от купленной позавчера связки бананов, Сафонова решила не испытывать судьбу и пополнить запасы старшего.

Кутается сильнее в объёмную толстовку, ёжась от холодного ветра и мелкого редкого дождика. Обходит появляющиеся лужи, не желая испачкать недавно купленные кеды. Рассматривает качающиеся деревья, думая о делах на день и о том, что родители и правда уехали, предоставив их с братом более самостоятельной жизни. Перешагивает через низкий синий заборчик, огораживающий детскую площадку, сокращая себе путь до супермаркета.

Вероника вдруг, наперекор своим раздумьям заостряет взгляд на девочке, одиноко сидящей на лавочке, чувствуя, как по коже ледящим ветром проходит детский триггер, вынуждающий бессознательно попятиться. Воспоминания всплывают больно и неожиданно, возвращая её на тринадцать лет назад, когда развелись родители.

С ней не случалось подобного раньше, однако при виде именно этой девочки сердце отправляет беспощадный и ноющий импульс в голову, напоминая, как сама Ника сидела с точно такой же палочкой, вырисовывая что-то на мокром песке в ожидании матери, которая в очередной раз обещала прийти и забрать её из садика... и в очередной раз за ней приехал отец, сильно опоздав.

— Ника?!

Слегка мотнув головой, выныривая из воспоминаний, девушка поворачивается на родной баритон, обладатель которого стремительно сокращает расстояние между ними, тоже перешагивая через синий заборчик.

— Привет, — обнимает в ответ.

— Что делаешь? — подмечая повышенное внимание сестры к сидящей неподалёку девочке, интересуется Глеб.

— В супермаркет за бананами твоими иду, — возобновляя шаг, отвечает Сафонова.

— Не верю, что только забота обо мне подняла твою аппетитную задницу.

— Ты недооцениваешь её.

— Твою задницу?

— Заботу, — улыбнувшись на слова старшего, утверждает голубоглазая.

— Дай угадаю, у нас сливочный сыр закончился?

— Да... и шоколадная паста.

Глеб хочет что-то добавить, но видит, как младшая останавливается, поворачиваясь на детскую площадку.

— Ник? — аккуратно зовёт Глеб.

— Как думаешь, почему она сидит там одна?

Слышит просвечивающееся беспокойство в голосе сводной сестры, отклоняя все появившиеся в голове шутки и серьёзнее подходя к вопросу.

— Давай... Давай спросим у неё, — решает Сафонов, направляясь обратно в сторону лавочек, взяв за руку младшую.

В лёгком удивлении, но Ника поддаётся, идя за братом.

Девочка замечает их метров за десять до того, как они оказываются прямо подле неё.

— Привет, — басит Глеб, опускаясь на корточки перед ребёнком.

— Привет, — сразу же нахмурившись, здоровается в ответ девочка. Ей, на первый взгляд, не больше девяти.

— Как тебя зовут?

— Мама говорит, чтобы я не разговаривала с незнакомыми боролатыми дядьками, — словно заученное описание говорит Глебу.

— Права твоя мама. Но, как видишь, у меня бороды нет, — хмыкает он, — и не стоит меня относить в категорию дядек вообще.

— Почему? — уже расправив свои бровки, с интересом вопрошает девочка.

За разворачивающимся неожиданным диалогом Вероника наблюдает неотрывно, тихо радуясь тому, что Глеб решил познакомить их с девчонкой.

— Потому что я старше тебя совсем чуть-чуть.

— Правда?! А это насколько лет?

— Так. Я первый задал вопрос. Как тебя зовут?

— Мила.

— Милая Мила, — улыбается ей Глеб, — почему ты здесь одна сидишь?

— Мы поссорились с Крис! — сердечно начинает рассказывать Мила, — Она сказала, что её мама красивей моей! Поэтому я ушла из её квартиры... да и... и мама сказала ждать её здесь! Она заберёт меня, когда закончит встречу по работе!

— М-да, так себе подружка.

— Тем более у такой девочки может быть только самая красивая мама, — садится рядом с Глебом на корточки.

— Вы хорошие, — девочка весело захихикала, — я буду дружить с вами!

— Однозначно хороший выбор. Меня зовут Ника, а это Глеб.

— Ника и Глеб, а вы тоже друзья?

— Типа того, — двусмысленно хмыкает Сафонов.

— Тогда мы будем дружить втроём. Пойдём к тому столу, у меня есть новые фигурки для игры!

— Подожди, Мила. Ты обещаешь, что кроме меня ни с кем так знакомиться не будешь? Даже если нет бороды.

— Ну... хорошо! А теперь играть!

Суетливо доставая из своего рюкзака разноцветных героев, Мила, подпрыгивая, побежала.

— У нас ведь нет выбора, да? — иронично басит Глеб Нике.

— Ну ты прям мегамозг, — отвечает в тон ему, однако добро улыбается, смотря в карие глаза.

Глеб пропускает удар сердца, отвечая на зрительный контакт, изучая любимую синеву, чувствуя, как Вероника повеселела. Однако она прерывает его, направляясь за девочкой.

— Вот, держи, ты будешь розовым, а ты красной... а мне... — раздумывая, корчит мислящие гримасы.

— Мне просто интересно, какой логики ты придерживалась, давая мне розовую, а Нике... — перебит.

— Нет! Розовая всё-таки мне... а ты будешь голубой!

— Так логика понятнее, Глеб? — пуская смешок, вопрошает Сафонова.

— Здравствуйте, молодые люди, — вдруг слышится совсем близко женский голос.

— Здравствуйте.

— Мама! Привет! — обнимая, здоровается Мила, — а это мои новые друзья! Глеб и Ника!

— Мы решили составить компанию Миле, пока она ждёт вас. Надеюсь, вы не против.

— Что ж, спасибо, что приободрили мою дочку, — устало улыбается женщина, — всего вам хорошего! Мила, собирай фигурки и прощайся с друзьями, поехали домой.

Суетливо всё сложив в свой рюкзачок, Мила подбегает к Сафоновым, крепко обнимая их за пояс, сильнее притягивая друг к другу.

— Пока, Ника и Глеб!

— Пока, милая Мила, — довольно басит Глеб.

— Рады были с тобой познакомиться!

Дождавшись, пока она скроется с матерью за углом, сводные брат с сестрой вернулись к своему изначальному пути в магазин.

— Почему ты обратила такое внимание на эту девочку? — с интересом вопрошает Глеб.

— Да так... свои тараканы.

Он слегка кривит губы в недовольстве, но не продолжает, не давит.

— Спасибо, что подошёл к ней, — спустя пару минут молчания благодарит Ника, вызывая веселую ухмылку на губах старшего.

— Мне важно, чтобы ты была спокойна, — притягивает ближе к себе, обнимая рукой за плечи.

— Если уж ты мне по пути попался, и раз для тебя так важно моё спокойствие, тогда купишь мне бутылочку белого?

— В смысле тебе? — саркастично вопрошает Глеб, — то есть ты мне даже пригубить дать не планируешь? Чисто в одиночку минут за пять осушишь, — слышит звонкий девичий смех, чувствуя, как она сильнее облакачивается о его плечо.

— Не за пять. Бокальчик могу налить тебе.

— Целый бокал?! Да ты меня, смотрю, spoить и совратить планируешь.

— Ага, тебя сегодня совращать планируют только твои любимые бананы, — улавливает мужской смешок над ухом.

— Не только бананы у меня любимые.

— Однако всё равно любимые, и именно они и будут совращать.

— Странно это всё-таки звучит в контексте бананов.

— Обожаемый тобой фрукт, как-никак... Почему именно банан? Неужели дело только во вкусе? А может быть... и в его форме? — наигранно вполголоса вопрошает Вероника, чувствуя, как по заднице прилетает осязательный шлепок.

— Сучка, ещё и смеётся.

Как только Сафоновы доходят до супермаркета, начинается сильный дождь, нещадно избивая собой окна и поливая постепенно желтеющие деревья.

— Давай вот это, оно полегче, с нотками цитруса.

— Ага, понедельник всё-таки, да, Ника? — иронично басит Глеб, держа в каждой руке по бутылке, рассматривая.

— Да, — пожимает плечами младшая.

— Ладно, — соглашается.

Идут в сторону кассы, останавливаясь около. Вероника рассматривает содержимое корзины.

— Так... сливочный сыр взяли, какао, шоколадная паста, бананы, клубничный йогурт, грейпфрутовый сок... тосты, голубика, клубника и вино... вроде всё, — начинает выкладывать всё на кассу, переводит взгляд на Глеба, замечая его у стеллажа «планирование семьи», практически неосознанно наблюдая за тем, что именно он берёт. Может это покажется странным, но до сегодняшнего дня он никогда не покупал контрацептивы при ней.

Кладёт последние продукты из корзины: вино и клубнику. Как раз поспевает Глеб, подкидывая презервативы. Конечно же, он хочет засечь реакцию Вероники, как именно она оце-

нит его выбор и подаст ли вид вообще. Ничего из этого не происходит, она лишь слегка задерживает изучающий взгляд на упаковке.

Кассир пробивает всё, кроме последних трёх покупок, акцентируя на них внимание.

— Молодые люди, сегодня вообще-то понедельник, а не пятница, — выдаёт вдруг женщина, всё же пробивая выбор Сафоновых.

Глеб изгибает бровь, но не успевает отреагировать, поскольку Вероника, вместо ожидаемого опровержения догадок работницы, удивляет:

— Разве заняться сексом и выпить белого вина можно только в пятницу? — приподнимая бровь, обыденно интересуется Вероника, наблюдая за краснеющей женщиной и слыша весёлый низкий смешок.

— Оплата картой?

— Да, — отвечает Глеб, — до свидания, — взяв пакет, прощается в унисон с Никой.

Выходят из магазина, останавливаясь под навесом, оценивая ливень.

— Ты долго лыбиться будешь? — пускает весёлый смешок девушка.

— Я тебя обожаю, Вероника.

— Она даже про паспорт забыла. В следующий раз надо вместо других продуктов, к презервативам и вину класть скотч и верёвку, — слышит над ухом басистый смех.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

18:30

Матерясь и смеясь, образуя под собой лужи, Сафоновы захлопывают дверь.

— Как же холодно! — несёт пакет с продуктами на кухню, — нам надо в горячий душ, иначе мы простудимся, — возвращается в коридор к Глебу, оценивая двусмысленную улыбку на мужских губах, — Я знаю, что ты сейчас скажешь. Нет, Глеб. Ты идёшь первый, потом я хочу принять горячую ванную.

— Я включу кран, чтобы она уже наполнялась, — соглашается он.

— Спасибо.

Сафонов встаёт под тёплые струи тропического душа, раздумывая о том, что день складывается очень весело и вечер обещает быть столь же приятным. Конечно, он маловероятно сложится именно так, как представила в своей голове сотрудница супермаркета, однако Глеб постарается не слишком сильно отставать от фантазий кассирши. Издав смешок от таких мыслей, Глеб смывает мятный шампунь, выключает воду, не растягивая водные процедуры и помня о сестре, которой поскорее надо согреться.

Оборачивает бёдра серым махровым полотенцем, проверяет температуру воды, льющейся в ванную для Ники, после чего открывает дверь.

— Принцесса! — повышает тон, дабы младшая услышала. Видит её, выходящую из кухни, с удовлетворением подмечая, как она заостряет взгляд на его торсе, — Ванная подана.

Ника невольно сглатывает, проходясь голубыми глазами по рельефному прессу, оценивая буквально вырисованные косые мышцы, уходящие под полотенце. Да, порой не обратить внимание на привлекательность Глеба практически невозможно.

— Спасибо, что так быстро.

— Обычно я не слышу таких благодарностей, — весело хмыкает Сафонов.

— Потому что за такое не благодарят? — не сдерживается Ника.

— Пошутить, пошутить, сладкая, если так хочется, — двусмысленно басит Глеб, — иди, грейся... как раз предашься фантазиям на тему того, за что ты будешь благодарить меня в ближайшее время.

— М-да... просторы у фантазии только расширяются от твоего пресса и презервативов, которые ты покупаешь, — хоть и шутливо, но неожиданно заигрывающе говорит Вероника, смотря точно в карие глаза.

— Ты только намекни, принцесса, и утруждать себя фантазиями не придётся.

Вероника тяжело выдыхает, смотря на Глеба, скалящего белоснежные зубы в обаятельной улыбке.

— Дай уже своим ручкам отдохнуть.

— Сильно не обольщайся, братец, потому что на кухне стоит уже открытая бутылка вина, — резко охладевая и пресекая происходящее, отвечает Ника.

Дело в том, что Ника привыкла отвечать на двусмысленные фразы в той же манере, с остротой, давая понять, что не позволит собеседнику расслабиться, раз он полез в эту стезю. Только вот теперь это всё больше происходит с Глебом, что порой путает и сбивает.

19:50

Смеркается. Солнце садится где-то за серыми тучами. Дождь продолжает лить, сопровождаясь пугающим громом.

Волосы собраны в вялый пучок. Сердце отбивает мерный пульс. Тело и разум отдыхают...

Ника млеет во вкусно пахнущей ванне с розоватыми холмиками пены.

В комнате тёплым светом горят излюбленные свечи, колыхаясь в такт ненавязчивой мелодии. Ника открывает одну из любимых баночек с полки, вдыхая приятный запах цитруса, зачерпывает наманикюренными пальчиками апельсиновый скраб, с удовольствием размазывая его по телу. Вероника ощущает пробежавшуюся дрожь, ловит учатившееся дыхание... что с ней делает недостаток секса? Она две недели ждала встречу с другом... любовником? А этот кобель умудрился всё испортить. Досадно то, что с Томом секс был лучше всего, хоть и это было не то, чего на самом деле хочется.

Да, Вероника любит секс, и очень даже хороша в этом деле, из-за чего как запросы, так и желания у неё не скромные.

Ника выдыхает, пытаясь отогнать от себя лёгкое наваждение, решая вылезать из ванной, дабы окончательно не потонуть в возбуждении. Тем более за дверью её ждёт бутылочка белого, которая скрасит этот дождливый вечер.

Тянется за полотенцем, но неожиданно поскользывается на небольшой пенной лужице, болезненно падая на кафельный пол. Кривится, боясь пошевелиться и пытаясь понять, цела ли она.

— Ника, ты в порядке?

— Я... упала, — по-детски хнычет, медленно подбирая под себя покалеченные колени.

— Открой.

— Мм... — пытается не заплакать.

— Ника, я помогу, — более нежно говорит Глеб.

— Я голая.

— Ну... ты сможешь полотенце взять?

— Нет...

— Я сейчас приду.

Ника ёжится от пробежавшего по коже холодка. Снова улавливает шаги рядом с дверью. Слышит, что Глеб открывает замок.

— Держи, — в приоткрытую дверь показывается мужская рука с большим полотенцем.

— Эй!

— Да не смотрю я... — нехотя закрывает свободной ладонью глаза, терпеливо дожидаясь девушку.

— Спасибо.

— Всё? Можно смотреть?

— Да.

Глеб входит в душную комнату, изучая открывшуюся картину. Романтично, однако... если не считать разбитые женские коленки. Выдыхает, аккуратно поднимая на руки Нику, крепко прижимая к себе и слыша под ухом жалобное хныканье.

— Как ты так умудрилась? — нехотя отпускает её, усаживая на гостиничный диван и отправляясь за аптечкой.

— Поскользнулась, — кратко информирует Вероника, сильнее кутаясь в бордовое полотенце.

Взяв вату, антисептик и ещё какую-то мазь, он возвращается к Веронике, садясь перед диваном на корточки.

— Только дуй...

— Хорошо.

Касается ваткой, обрабатывая ранки под шипение Ники.

— Сильнее дуй!

Сафонов мысленно улыбается, вспоминая, когда она в последний раз так капризничала.

— Больно...

Глеб засматривается на стройные модельные ноги. Проводит языком по нижней губе, подаётся на сантиметр вперёд, целуя изящную коленку.

— Это ты детство решил вспомнить?

— Не совсем, — отвечает с подступающей хрипотцой, укладывая большую ладонь на женскую ножку.

Ощущает, как в животе что-то сжимается, когда мужские пальцы переходят на внутреннюю часть бедра, поднимаясь всё выше... не спеша, поглаживая, интригуя.

Не отводит глаз от Глеба, молчит, не останавливает. И это не по причине ступора. Это заводит. И признать это на практически трезвую голову... противоречиво.

«Что именно меня возбуждает? Неправильность? Касания в отдельности? Сам Глеб?» — это начинает шатать и изрядно трепать нервы, в то время как тело бросает то в жар, то в холод. Сердцебиение становится тяжелее, учащается. Пульс изредка отдаётся в висках, между бёдер завязываются тугие узлы, а в груди появляется непередаваемая лёгкость... И последнее оказывается чем-то абсолютно новым.

— Так меньше болит?

Глаза в глаза. Карие смотрят в голубые.

Чувствует, как он совершенно не смущаясь продолжает вести ладонь вверх.

— Эй, — трезво оценив ситуацию, со строгостью в голосе говорит Ника, — остановись.

— Хорошо, святая невинность, — тянет губы в соблазнительной ухмылке, и как-то слишком просто отступает.

Вероника еле сдерживает саркастичный смешок. «Это он меня невинностью назвал? Глеб, неужели ты действительно слеп, когда не хочешь чего-то видеть?» — вопрошает про себя Сафонова.

— Я пойду оденусь. Мой бокал на кухне стоит, разольёшь нам вина?

— Да.

Слегка прикусив губу от неприятных ощущений в коленях, девушка поднимается с дивана, опираясь о мужское плечо.

Глава 5: Розовое полупрозрачное

Вторник

10:45

Вероника стоит в пустом школьном коридоре у зеркала, убирает волосы в пучок, слегка покачивая головой в такт играющей в наушниках музыке.

— Ты, неоспоримо, мастер шифрования, Ника, но мой намётанный глаз всё равно подметил разницу цвета кожи на твоей шее. Короче, я вижу, что ты замазала засос, чего не было лет с пятнадцати. Засосов я имею в виду, — слегка повышает тон парень, — Бро, кто посмел? — наигранно вопрошает кудрявый брюнет.

Не виделись друзья с утра пятницы, поэтому шея Ники для француза оказывается сюрпризом.

— Вот такая жизнь, Саймон, — пожимает плечами, снимая наушники.

— Бро, этот Том ведь послан тобой был, где успела нового отрыть?

— Тома? — пускает смешок.

— Если ты задалась целью находить партнёров исключительно с этим именем, то да.

— Ага, я буквально одержима этим, — саркастично отвечает Ника.

— Реально? — не услышав подвоха, недоумённо вопрошает Бланкар.

— Нет. Бро, мы восемь лет общаемся, а ты всё не улавливаешь мои интонации.

— Слишком сложно пребывать в постоянном анализировании твоей дичи, — пожимая плечами, отвечает парень, — Пойдём? Мы на третий урок опаздываем уже.

— У нас биология, и мы одиннадцатый класс, это простительно, — хмыкает Ника, отдёргивая белую футболку и уходя от зеркала в сторону кабинета.

Учителя на месте не оказывается, поэтому Сафонова и Бланкар без лишних слов проходят к дальней парте у окна, перекидываясь парой слов с одноклассниками.

— Ну что, поговорим про «нового Тома», — поправляя свои кудри, напоминает француз.

— Тему с доски в тетрадь перепиши лучше.

— Это не ответ человека со свежими засосами, — озадаченно выносит вердикт Саймон, — за ними ничего не скрывается, что ли?

— Да ты у нас сама проницательность, — лениво отвечает девушка.

— Что ж, могу предположить, что «старого Тома» ты... далеко послала, — пускает смешок Бланкар, — за его любовное признание.

— Да, даже к посылному обратилась, чтоб наверняка.

— Слабовато, — выждав паузу оценивает шутку Саймон.

— Тренирую тебя сарказм понимать, — издевательски изгибая бровь, вопрошает Вероника.

— Да пошла ты, — говорит Бланкар, переворачивая горизонтально телефон и входя в любимую игру, — Ты решила, кого из девочек возьмёшь собой на вечеринку к тому парню из клуба?

— Тебя.

— Во-первых, я занят в этот день, а во-вторых, я мужского пола.

— Именно в такой последовательности?

— Да.

— А что у тебя за планы?

— Глеб вчера предложил пойти с ним на вечеринку... И это сыграет тебе на руку. Не придётся придумывать для него подруг, к которым ты уходишь. Уедешь просто позже него, а приедешь раньше, я напишу тебе, когда он надумает уезжать с вечеринки... Эту выбрать

или эту? — мимолётно перескакивая на тему своей игры, Саймон показывает на двух аниме-девушек на экране.

— Которая в красном.

— Не... она слабее, — делая выбор в сторону другого персонажа, отвечает француз. Даже несмотря на Веронику видит, как она закатывает глаза, — Ты не ответила, кого берёшь собой?

— Близняшек.

— Комментарии не давать, я правильно понимаю?

— Правильно.

— Кстати, на самом деле, именно в данной ситуации они реально нормальный вариант, бро.

— Да... — уходя в свои мысли, ровно отвечает Ника, — Знаешь, честно сказать, меня всё больше удручает осознание того, что мой брат, начиная практически со своих четырнадцати, не особо скрывая, шлялся, где угодно. А я, в свои восемнадцать, даже ему сказать не могу без опасений того, что начнутся выяснения отношений, — кривит губы, — Да, раньше это было удобно, поскольку с нами жили ещё и родители, и Глеба я своеобразно объединяла с ними, не имея желания посвящать его в подробности, потому что так было проще. Короче, пару лет назад в такой ситуации я бы и не стала ничего менять, но сейчас... чисто от Глеба шархаться я не намерена. Выросла девочка.

— Это вообще сексистская херня: сыну можно, а дочке нет.

— И да и нет. Я просто видела, как расстраивались из-за тусовок брата родители, слышала их ссоры с ним. Он не брал трубки, заявлялся за полночь и даже не пытался замазать засосы. Конечно, в итоге все стали спокойнее к этому относиться, да и он повзрослел и по-другому стал себя вести. Но я помню просьбы родителей в то время о том, чтобы я не поступала так, тем более потому, что я девочка. Потом наложились ещё и реакция Глеба на мой секрет о моей первой влюблённости... Это всё привело к тому, что я прочертила жирную линию между семьёй и жизнью вне дома.

— Бро... ничего себе у тебя накопело, — Бланкар даже отрывается от любимой игры, удерживая зрительный контакт с подругой, — Скажу так, с родителями понятно, а вот Глеб сам постарался над тем, чтоб ты и ему не говорила. Он находился в жёстком отрицании твоего взросления и смены интересов, судя по тому, как среагировал на этого... — морщится, — Никиту, подорвав твоё доверие.

— Да.

— Если честно... — Саймон заминается, что не скрывается от Ники, — если б я не знал, что Глеб твоя семья, спихнул бы всё его поведение на обычную ревность, как парня к возлюбленной.

Вероника хмыкает на слова друга, в отрицании слегка мотая головой, будто сейчас ей пихают в руки детали пазла, который она не хочет закончить.

— В любом случае, это не может продолжаться вечно. Буду вводить его постепенно в курс дела, как говорится, — невесело хмыкает Сафонова, — тем более, он явно не считает меня такой уж «младшей»... как оказалось, — тише добавляет Ника.

— Да пора бы! Моя самая главная мечта — это оторваться на вечеринке с вами двумя! Вместе!

— Прямо главная? — изгибает бровь, скептически смотря на друга, снова начинающего играть.

— Слышу в твоём голосе нотки недоверия.

— Неужели?

— А теперь это сарказм, да?

— Играй в свою игру, Саймон, — закатывая глаза, советует Сафонова.

— Хорошо, бро.

16:10

Вероника выходит из школьного двора, надевая на ходу вязаный жакет и поправляя рюкзак на плечах.

Погода на улице однозначно хорошая, осень проживает свои последние тёплые дни, позволяя запастись витамином «Д».

Дойдя до перекрёстка, где для пешеходов ещё горит красный, Сафонова прикрывает глаза, подставляя лицо солнцу. Чувствуя щекочущие нос лучи, Ника принимает окончательное решение прогуляться до дома, а не ехать на такси или автобусе.

Загорается зелёный. Девушка с лёгкой улыбкой переходит дорогу, оглядывая знакомые окрестности. Даже мысли, давящие в последнее время слишком сильно, немного утихают.

Взгляд голубых глаз случайно натывается на вывеску кофейни, вынуждая почувствовать во рту вкус любимого чая, буквально обезоруживая Нику перед желанием зайти и взять его. Однако оказавшись перед меню, мысли о чае перебиваются обожаемым какао.

— Девушка, вы такая красивая. Неужели одна? Разрешите познакомиться? — неожиданно доносится до ушей знакомый баритон.

— Знал бы ты, какие думы сейчас прервал, — пускает смешок, обнимая Сашу.

— Привет, Ник, — улыбается блондин, — ты не оплатила ещё? У меня тут скидка есть.

— Я помню.

— А ты часто сюда заходишь?

— Нет, первый раз здесь, после того как мы вместе сюда забегали.

— Я вот думаю, может у тебя чуйка начинает вырабатываться на моё желание попить лавандовый раф?

— Именно так, Александр Орлов, — саркастично отвечает Ника.

— Давай ещё раз.

— Что?

— Полное имя моё. Только со стоном. Глубоким таким и протяжным, — мечтательно-шутливо басит Саша.

— Может, «господин» ещё добавить?

— Можно, но тогда всё слишком быстро закончится, — пускает весёлый смешок блондин.

— А что-то начиналось? — приподнимая бровь, уточняет с ноткой иронии Вероника.

— Буря в моих штанах, — еле сдерживая рвущийся наружу ржач, отвечает Орлов.

— Буря?! Буря, Саш?! Ты в адеквате? — сквозь смех вопрошает девушка, наблюдая за другом, — Я сюда чая попить пришла, а не участвовать в постановке начала дешёвого порно.

— Знаешь, странно было бы, если ты пришла бы сюда именно для этого, — говорит Блонди, ещё больше провоцируя себя и подругу на смех.

— Здравствуйте, что будете заказывать? — перебивает их веселье бариста.

— Лавандовый раф и... что ты будешь?

— Какао. Надеюсь, меня не поклонит по привычке в сон.

— Держите чек. Свои напитки ожидайте у стойки.

Кофейня небольших размеров, с торшерами, светящими тёплым уютным светом. Людей довольно много, но Ника и Саша умудряются занять стол в самом укромном уголке заведения.

— Как дела с Марией?

— А что?

— Ну в прошлый раз ты говорил, что она начала претендовать на что-то большее, чем просто секс.

— Да, но это терпимо, когда вспоминаешь её жопу. А когда она кидает фоточку... там можно и подыграть.

— То есть ты делаешь вид, что не прочь поиграть с ней в отношения, когда она кидает обнажёнку? — отпивает какао.

— Типа того. Да мне и самому иногда бывает даже... приятно?

— Неужели у Блонди нехватка нежностей? — иронично вопрошает Сафонова.

— Нет, — мотает в отрицании головой, — я просто позволяю ей это, чтоб разнообразить ощущения и чтоб она не чувствовала безнадёжность, которая может остудить её в постели.

— Ладно, в этом есть какая-то логика, — снисходительно пожимает плечом девушка.

«Насколько, интересно, мужской пол может позволить себе заиграться подобным образом? Способен ли он дойти до такого, что действительно влюбится?» — вопрошает в своей голове Ника.

— У тебя чё как? — отпивает раф.

— Ничего. Этот мудак признался, что я нравлюсь ему, а потом назвал шлюхой, когда я не ответила взаимностью, — с некой ленью в голосе отвечает Ника, закатив глаза.

— Я бы не настолько тебе сочувствовал, если б ситуация не была мне настолько знакома, — на выдохе говорит Орлов, — напomini, почему мы не трахаемся? — иронично вопрошает он после.

— Потому что, — решает ответить на вопрос, ответ на который друг и так прекрасно знает, — потому что нам нравится проводить вместе время, и мы не хотим этим рисковать.

— Вот, казалось бы, ты и я, настолько схоже относящиеся к сексу, не желающие вступать в отношения, всё равно стараемся, что что-то может пойти не так в случае сочетания нас не только как друзей, но и сексуальных партнёров.

— Да, потому что это рандом. В каких-то случаях подсознание разделяет «мне с ним интересно» и «какой же хороший у нас секс», а в каких-то оно сочетает эти факторы и начинает говорить тебе, что человек идеально тебе подходит. Понимаешь, о чём я?

— Механизм влюбленности, с одной стороны, является чем-то абсолютно простым, а с другой... твою ж мать, там такие дебри, работает всё через самую большую жопу, а достигнуть может в самый неподходящий момент и с самым неожиданным человеком.

— И секс, скорее зачастую, чем обычно, бывает вообще ни при чём. Другое дело, что он способен вознести всё потом до самых небес... ну или же наоборот разрушить всё, — выдыхает, слегка хмурит брови.

— Полностью согласен, Ник.

— Секс и любовь, казалось бы, столь сопровождающие друг друга вещи, но в то же время зачастую агрессивно противоречащие и мешающие друг другу.

— Тебя прям на цитаты разбивать можно, — пускает смешок Саша.

— Тогда советую купить блокнот потолще, Блонди, — в тон ему отвечает Ника, приподнимая тёмную бровь, — Ты не хочешь прогуляться?

— Могу немного пройтись с тобой, мне скоро нужно возвращаться в ебанный универ.

Отодвинув стулья с характерным звуком, друзья покидают кофейню, направляясь в сторону дома Вероники.

На улице золотая пора. Солнце заигрывает с осенней листвой, делая её ярко оранжевой и блестящей. Захотелось апельсинов.

— Как без родителей?

— Пока что всё нравится, ещё рано для того, чтобы привыкнуть к этому или начать скучать. Ты когда освоился?

— Сложно было, если честно. Но ты не забывай, что это я съехал в другой город, а не папа. И братьев и сестёр у меня нет, даже сводных, — пожимает плечами, — так что это другое всё-таки.

— Понятное дело, — отпивает какао.

— В любом случае, лично я освоился и не чувствую себя одиноко в квартире; наоборот, как-то странно думать, что кто-то помимо меня самого раньше наводил дома суету, — хмыкает Орлов, — У меня, когда первые знакомые в этом городе начали появляться, я сразу тусу закатил, наслаждаясь собственной хатой.

— Не, это не совсем моя тема.

— Из-за Глеба?

— Кстати, нет, — пожимает плечами, — я люблю развлекаться, но почему-то от мысли позвать людей повеселиться у меня я не в восторге.

— Получается родители и брат были просто прикрытием? И ты сама, как вредная бабка, никого не хочешь видеть у себя, — иронично басит друг, сверкнув в улыбке белыми зубами.

— Загнул, Блонди. Я ж не одного близкого друга имею в виду.

— Да ты ещё и серьезная бабка, оказывается.

— Да пошёл ты, — пускает смешок Ника, закатывая глаза.

В кармане жакета вибрирует телефон. Сафонова смотрит в экран, читая имя звонившего.

— Принцесса, ты когда домой? — доносится из трубки бархатистый баритон.

— Я сейчас домой и иду. Погода хорошая.

— Ты как бабка с этой погодой.

— Что ж... ты не первый, кто меня сегодня так называет. И будь мне не восемнадцать, это было бы даже обидно.

— В любом случае, этот человек согласен со мной. Кто это?

— Блонди, — чуть выждав говорит Ника.

— Возможно, теперь он чуть меньше не нравится мне, — со смешком отвечает старший.

— Да вы сговорились.

— Короче, Ника, я буду к девяти. И когда я приду, предлагаю что-нибудь глянуть.

— Давай. Может ты ещё попкорна купишь?

— Хорошо.

— Пока, братец.

— До вечера.

Слышатся гудки. Ника слегка зависает с телефоном у уха. Отчего-то это «до вечера» вырисовывает перед глазами сцену с их недавним поцелуем. Незаметно мотает головой в отрицании, отгоняя следующие за воспоминаниями размышления. Заставляет себя поставить точку на том, что всё это баловство заскучавшего парня, которое скоро ему надоест, поэтому беспокоиться не о чем.

Другое дело, что хоть Вероника и не хочет этого признавать, но её задевает тот факт, что Глеб будто вовсе не заботится о том, какие чувства его поведение вызывает у неё. Конечно, она сама довольно снисходительна к его выходкам, но его эгоистичность в данном вопросе ей, мягко говоря, не нравится. Солнце не спасает, настроение начинает портиться.

— Ник?

— Да?

— У тебя выражение лица поменялось так, будто за одну секунду твоё любимое солнце перекрыли тучи.

— В какой-то степени оно так и есть.

— Ник, философа всё же ближе к концу осени включают обычно.

— Где здесь логика?

— А это на твой манер, — пожимает плечами блондин, — ты ведь придерживаешься какой-то тактики, когда соотносишь напиток и личность.

Орлов умудряется вызвать смешок у подруги, отчего его губы расползаются в довольной улыбке.

— Саш, по-моему, тебе пора в университет, — пускает смешок.

— Зараза... ладно, пока, — обнимает подругу, — я действительно опаздываю уже.

— Пока, — проводив блондина взглядом за угол, Вероника уже собирается ускорить шаг, как натывается на витрину с обворожительным комплектом нижнего белья.

«Саша и солнце — это, конечно, хорошо, но я знаю, что поднимет мне настроение на следующие... два дня точно», — думает Сафонова, разглядывая розовые кружева на манекене. Смотрит на цену, слегка морщась, прикидывает расходы на эту неделю. Приходит к тому, что покупка не сильно ударит по бюджету на предстоящий месяц.

19:15

Глеб прокручивает ключи, открывает дверь, улавливая мелодичную музыку и неожиданно встречая танцующую в нижнем белье Веронику. Замирая у входа на пару секунд и тихо запирая квартиру, Глеб еле заметно проходится языком по нижней губе, оценивая в полной мере открывшуюся картину. Присаживается на небольшой диван в самом начале широкого длинного коридора, неотрывно наблюдая за желанной девушкой, изгибающейся перед большим зеркалом.

Полумрак, свет попадает только из ванной, обволакивая женскую фигуру, делая атмосферу интимнее. Вероника стоит боком к Глебу, плавно двигая бёдрами в такт песне, блуждая пальцами поверх розового кружева, гипнотизируя. В воздухе витает возбуждение, чувствуется, как она сама себе нравится, как взбудоражена. Видно, как вздымается её грудь, как приоткрыты пухлые губы, как в глазах стоит туман от развлекающейся фантазии. Глеб сглатывает, пожирая потемневшим взглядом Веронику, ощущая, как во рту начинает пересыхать, как воздух становится горячее.

Она разворачивается к нему спиной, играет тонкими пальцами в длинных каштановых волосах, слегка оттягивая, смотря на себя в зеркало. Глеб рассматривает изящную спину, спускаясь к округлым ягодицам в полупрозрачных трусиках. Хочется подойти сзади и нагнуть её, больно ударив по этой аппетитной заднице и намотав на кулак густую шевелю, заставляя откинуть голову назад.

— Глеб?! — не ожидая увидеть его, пугается девушка, — Ты издеваешься надо мной?

— Скорее это ты издеваешься над моей силой воли, — басит Сафонов, практически никак не реагируя на её возмущение, лишь потянув уголок губ вверх.

— Я вообще не знала, что ты здесь, — делая шаги к Глебу, отвечает Ника, — и давно ты пришёл? — негодуяще вопрошает она.

— Потерял счёт времени, признаться честно, — продолжая раздевающе изучать Веронику, с долей издёвки говорит он.

— Да пошёл ты, — повышая тон отвечает Вероника, после разворачиваясь в сторону комнаты сводного брата, откуда играет музыка.

Наблюдает за уходящими привлекательными округлостями, неожиданно подмечая тонкую, практически незаметную надпись на верхней внешней части бедра. «У неё, что, есть татуировка?» — вопрошает в мыслях Глеб. Вальяжно поднимаясь со своего места, он направляется за Никой, достигая спальни.

— Где этот сучий пульт? — вопрошает Вероника, желая выключить музыку, исходящую из телевизора.

Обстановка в комнате накаляет ещё больше: они в его спальне, горит лишь тёплый ночник, играет песня, в которой артист смакующе описывает половой акт, а вокруг кровати ходит Вероника в кружевном комплекте розового белья. Глеб лишь глубоко вздыхает, всё так же смотря на девушку.

— Отойди от выключателя или включи свет сам. Я не могу найти пульт.

— Когда ты успела набить татуировку? — смотря на девушку сверху вниз, невозмутимо спрашивает он.

— Сафонов, не беси меня.

К слову, смотреть на Веронику сверху вниз может позволить себе далеко не каждый, учитывая её рост, достигающий практически ста восьмидесяти сантиметров.

— Тише, принцесса, не надо беситься, надо ответить мне на вопрос.

— Глеб... — подмечая, что её загоняют в угол, протестующе зовёт Ника.

— Я слушаю.

Бархатный, отдающий хрипотцой голос магнетически воздействует на её уши, вызывая противоречивые ощущения внизу живота.

— Четыре месяца назад, — касается голой спиной стены, понимая, что надо было вначале идти в свою комнату за одеждой, а не выключать музыку, которая, к слову, всё ещё играет.

— И что это за текст?

— Глеб, ты слишком близко, — сглатывая, как можно отрезвляюще говорит Ника, но хрипотца уже пробивается сквозь слова.

— Дашь посмотреть? — слышится над ухом глубокий, пробирающийся до самых чувствительных мест баритон.

— Да.

— Дашь? — говорит плавно, словно искушая, провоцируя.

— Дам, — покорно отвечает Вероника, желая быстрее отделаться от парня, чувствуя, как тело начинает вступать в реакцию.

— Мм... — касается пальцами точёной талии, начиная не спеша вести руку вниз, — хочется рассмотреть её, — достигает татуировки на внешней стороне бедра, задевая кружево, — она ведь здесь, да?

— Да, — коротко отвечает Ника, борясь с той паникой, которая бьётся о грудную клетку из-за похоти, которая безжалостно захватывает мысли и тело.

— Вероника?

— Да?

— А ты всегда будешь для меня такой послушной, когда на тебе будут только розовые трусики?

— Не наглей, — поднимает глаза вверх, сталкиваясь с карими, потемневшими.

Глеб сглатывает, смотря, как уголки пухлых губ приподнимаются в ухмылке, а во взгляде поблескивает будоражащий азарт.

— Тебя это, в любом случае, не касается. Я понимаю, что ты заскучал и таким образом развлекаешь себя, но границы переходить не надо, — холодно говорит она.

— До тебя доходит ту же, чем я ожидал, — с нотой недовольства, на выдохе басит Глеб.

— Пусты меня, — толкая крепкую грудь, повышает тон Сафонова.

— А «пожалуйста»?

— Пожалуйста.

Глеб отстраняется, растягивая красивые губы в довольной улыбке.

— Фильм будешь сегодня смотреть сам.

Он ничего не отвечает, лишь продолжает плотоядно смотреть за уходящей девушкой.

23:05

На компьютере идёт третья серия первого сезона сегодня начатого сериала. Вероника стоит в своей любимой пижаме, зажигает в свете розовой лампы две ароматные свечи, вырисовывая вечернюю гармонию. Вдохнув полной грудью вкусный запах, Ника снова садится на кровать напротив экрана, открывает прикроватную тумбочку и достаёт крем для рук.

Слышится стук в дверь.

— Ты, конечно, капитальный интим себе устроила, — оценив обстановку, издаёт низкий смешок Сафонов.

— Я бы сейчас подчеркнула, что себе, но я чую напиток искушения в твоём стакане.

— Да, поэтому двигайся, Вероника.

— Так говоришь, будто я не могу пойти и себе сама его сделать, — выделяя место Глебу, говорит девушка.

— Не можешь, — расплывается в улыбке Чеширского кота, — я спрятал все упаковки.

— Какой... — начинает смеяться, — какой же ты придурок всё-таки иногда, — слышит рядом и его смех тоже, держась за напряжённый живот.

— Однако это сработало.

— Получается... — сквозь смех, — получается... я придурок тоже.

— Но ход мыслей гениален.

Растирает крем по рукам, постепенно успокаиваясь.

— Вкусно пахнет.

— Давай тебе тоже намажу.

Не дожидаясь ответа, Вероника обхватывает массивную кисть, выдавливая на неё крем и начинает втирать его в кожу. Изучающе рассматривает выпуклые и просвечивающиеся вены, проходясь массажными движениями, поглаживая мужскую руку. Заостряет внимание на длинных красивых пальцах, переплетая их со своими, распределяя крем.

Глебу, несомненно, приятен столь тесный контакт. Приятно внимание нежных любимых рук. Наблюдает, как она требует вторую руку, обхватывая её своими ладонками. Любуется тонкими аккуратными пальцами, совершающими приятные круговые движения.

— С вас пять тысяч, — закончив, выносит вердикт девушка.

Глеб весело хмыкает на слова Ники, после затягивая её в свои объятия.

Сафонова не возникает, поддаётся, укладывая голову на твёрдую грудь. Возвращает своё внимание к сериалу, улавливая отдающийся ритм сердца старшего, прислушиваясь. Это, однозначно, убаюкивает, успокаивает, особенно в сочетании с тем, как Глеб укладывает ладонь на её голову, начиная неспешно поглаживать, зарываясь пальцами в волосы. Клонит в сон.

— Ты хочешь, чтобы я замурлыкала под твоей рукой, превратившись в кошку, — утвердительно, однако с мягкостью в голосе говорит Вероника.

— Надо ведь с чего-то начинать, — с лёгкой хрипотцой отвечает Сафонов, — сейчас замурлыкаешь, потом... будешь не только мурлыкать, — расслабленно улыбается, смотря в экран компьютера.

Да, после этих слов предположение о том, что ещё умеет делать хорошо своими длинными пальцами Глеб, всё же не смогло обойти девушку стороной.

— Всё ещё считаешь, что моим рукам надо дать отдохнуть? — вспоминая брошенную им вчерашнюю фразу, вопрошает Ника.

— Читаешь мои мысли.

— В любом случае, сейчас мне всей целиком нужно отдохнуть.

— Отдыхай.

— Я имею в виду... — глаза практически закатываются от движений мужских пальцев.

— Что? — чувствуя реакцию Ники, довольно улыбается Глеб.

— Спать хочу.

— Ты в кровати, спи, Ника, — понимая, к чему клонит девушка, начинает пресекать он, решая, что сегодня останется на ночь в этой постели.

— Глеб... — на выдохе произносит Вероника, всё ещё находясь под влиянием пальцев, умело расслабляющих голову. Получается сладко, неожиданно маняще, — выключи свет и иди к себе уже, пожалуйста.

Глеб слегка приподнимается, но Веронику придерживает, закрывая компьютер и выключая свет в спальне, оставляя их в темноте.

Вероника зарывается в одеяло, переворачиваясь на другой бок, устраиваясь удобнее. Чувствует, что Глеб тоже принимает полностью горизонтальное положение, ложась на подушку.

— Ты не хочешь к себе пойти?

— Нет.

Глеб неожиданно подгребает к себе, оказываясь сзади в недопустимой близости, оставляя ладонь на рёбрах.

Ника сглатывает, пугаясь того, как мужская рука задирает верх пижамы, оголяя кожу, к счастью, не продвигаясь дальше, однако оставаясь в опасной близости от груди.

— Убери руку, — получается не так уверенно, как хочется.

— Сюда?

Вероника замирает, когда чувствует, как большая ладонь двигается ещё выше, практически касаясь груди, но всё же не достигая её. Мурашки разносятся по всему телу, кусая кожу, будоража нутро.

— Ты что творишь? — тверже вопрошает девушка.

— А что я творю? — задаёт вопрос Глеб, однако не дожидаясь ответа, перемещает руку на менее провокационное место, хоть и нехотя.

Вероника сглатывает, ощущая приятно разливающуюся по телу негу, и ту вакханалию, которая кубарем летит по лестницам её мыслей. Однако усталость берёт своё, из-за чего девушка проваливается в сон.

— Спокойной ночи, — желает Сафонова.

— Спокойной ночи, — отвечает, целуя оголённое плечо.

По сердцу разливается приятное тепло от этой близости, когда она такая сонная, настолько близко, тесно. Это покоряет.

Глава 6: Замок на двери

18:20

День с самого утра дождливый, но очень весёлый. За окном продолжает моросить уже десятый час подряд, но без особого энтузиазма, даже не раскачивая деревья.

В комнате Вероники горит тёплый свет и сидит Саймон, что-то внимательно выискивая в компьютере.

— Слушай, это всё даже интересно, если б мы не впопыхах это, как всегда, делали.

— Факультатив «Кино» в школе ты имеешь в виду?

— Да. И фильмы интересные на разбор дают, особенно когда новый учитель пришёл.

— Особенно персонаж странный, — иронично говорит Саймон.

— Ты про героя фильма?

— Да.

— И что же в нём такого странного? — вопрошает Ника.

— Ты серьёзно, бро? Он бросил жену и ушёл к другой только потому, что та трахалась лучше.

— Действительно, потому что я не понимаю, как он мог жениться на ней изначально, раз она ему в сексе не подходила.

— Какая разница подходила или нет? Они любили друг друга.

— Как видишь, разница есть. Люди почему-то думают, что их влюблённость будет длиться вечно и сексуальные проблемы никогда не всплывут. Но они всплывут. И с большим аппетитом сожрут ваши взаимоотношения.

— Ты преувеличиваешь роль секса в жизни, бро.

— Именно из-за секса рушится огромный процент браков и отношений, Саймон.

— Секс — это хорошо и приятно, Ника. Но могу сказать по себе, что, если я встречу добрую, интересную девушку, но она будет не очень уметь... не знаю там... громко стонать, например, я не уйду от неё!

— Что у вас происходит? — открывает дверь Сафонов.

— Бонжур, бро, — пожимая другу руку, здоровается Саймон.

— Привет, — кивает Ника.

— Ника утверждает, что секс важнее любви!

Вероника еле заметно щипает Бланкара, предостерегая от озвучивания моментов, о которых не знает про неё старший брат.

— Что, Саймон?! Ты, конечно, перевернул всё, что мог в моих словах.

— А что же ты имеешь в виду?

— Если объяснять именно на примере фильма, то скажу так: да, они любили друг друга изначально, но он сразу понял, что она не подходит ему в сексе, однако забил на это. С каждым годом мужик ходил всё более неудовлетворённый, из-за этого злился на жену, она злилась в ответ, они практически не трахались. А если между ними любовь и осталась, то походила скорее на дружескую, нежели романтическую.

— Это потому, что он начал себя вести как мудака.

— Так это замкнутый круг!

— Всё зависит от приоритетов человека, бро.

— Хорошо, если даже допустить, что недостаток количества или качества секса не выльется в какие-то недовольства у пары, то ты сам не заметишь, как твоя романтическая любовь перерастёт во что-то иное.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы будете как брат и сестра, — пожимает плечами.

Ника отрывает взгляд от Бланкара, встречаясь глазами со старшим, который всё это время слушает их спор.

— Я с ней согласен, — басит Глеб.

— Ребят, по такой логике, вы, как живущие по типу «брат и сестра», но не являющиеся таковыми, если начнёте вести половую жизнь друг с другом, превратите свою любовь в романтическую.

Глеб, не ожидая от друга подобного высказывания, даже приподнимает брови, после с интересом переводя взгляд на младшую, оценивая реакцию.

— Не сравнивай, Саймон. Это начало гораздо более многогранной ситуации, — слегка удивляясь словам друга, которые оказываются слишком дерзкими для его натуры, отвечает Ника.

— Я лишь хочу тебе сказать, что ты придаёшь слишком большое значение сексу в жизни людей. Он скорее как бонус к отношениям с любимым человеком, и, если бонуса нет, можно это пережить.

— Хорошо, Саймон, сойдёмся на том, что кому-то нужен с утра омлет, а кому-то минет, — не желая продолжать разговор, заруливает девушка.

— Лучше не скажешь.

— Саймон, омлет можно и заказать, если девушка готовить не умеет. Проститутку ты домой не приведёшь, если в твоих отношениях тебе не могут нормально отсосать, — говорит Сафонов.

— Бро, приколы в том, что мне просто омлета достаточно будет. Я не захочу приводить проститутку домой!

— В любом случае, наш герой долго обходился омлетом, а потом сорвался на минет, поэтому нам следует дописать уже эти последние три строчки и уходить в свободное плавание!

— Вот этот ход мыслей мне нравится больше. Бро, сыграем потом в приставку?

— Саймон... — тяжело выдохнув, начинает уходить Глеб.

— Да что?!

— Ты наш местный киберспортсмен, ты меня не затанешь в это как в тот раз!

— Бро, у тебя приставка пылится, моё сердце от этого буквально обливается кровью.

— Сочувствую, — доносится саркастичный баритон из коридора.

— Давай хоть во что-нибудь сыграем? Глеб!

— В шахматы.

— Да пошёл ты! Я на это не куплюсь как в тот раз! — копирует фразу друга, чем провоцирует смех обоих Сафоновых.

20:40

Разгорячённое тело с испариной на коже. Дыхание быстрое и прерывистое. Мышцы ягодиц напряжены, когда Ника в двадцатый раз поднимает ногу в коленно-локтевой позе, завершая третий подход вечерней тренировки. Чуть расслабляется, касаясь лба тыльной стороной ладони. Сбито и тихо подпевает играющей песне.

Слегка тянется вверх, разминая мышцы: «Осталось повторить на правую ногу», — выдыхает Вероника.

— Ника, — слышится лёгкий стук.

— Что?

— Открой.

— Нет.

— Почему же? — до женских ушей доносится весёлый басистый смешок.

— Я занимаюсь. А ещё ты уже третий день заваливаешься ко мне в комнату, а потом выявляешь нежелание её покидать.

Что странно, после её слов в ответ ничего не слышится. И привычно закатив глаза, девушка делает музыку громче и возвращается в довольно провокационную позу, начиная поднимать другую ногу.

Вдох и выдох.

На фоне улавливается открывающаяся дверь, а затем и белые носки на огромных ступнях. Сказав себе: «спокойствие, только спокойствие», — Ника продолжает делать упражнение.

— А я вовремя, — довольно говорит Глеб, рассматривая сводную сестру в идеально облегающих лосинах и спортивном топике.

— Ты в курсе, что закрытая на замок дверь значит, что я не хочу, чтобы меня беспокоили, а не то, что надо взломать замок? — борясь со сбитым дыханием, как можно ровнее, саркастично вопрошает девушка.

Сафонов же, пропуская всё мимо ушей, без смущения пялится на женские округлости.

— Глеб?

— Что?

— Ты никак не собираешься комментировать своё вторжение в мою комнату, как я понимаю... — выдыхает, — пялясь на задницу своей сестры.

— Сводной сестры, — подмечает он, перемещая взгляд на слегка покрасневшее красивое лицо, когда Вероника поднимается с коврика, — Может ещё немного позанимаешься? — обаятельно улыбается парень во все 32 зуба.

— Иди лучше сам позанимайся. Остуди свой пыл, бро, — приподнимает тёмную бровь, смотря в карие глаза, — Или, может, мне вызвать тебе проститутку?

Глеб вдруг задумывается о том, что он действительно слишком ярко в последнее время реагирует на Веронику, вследствие чего задаёт себе соответствующий вопрос: «Сколько у меня секса не было? Месяц?» — недовольно хмурит брови Глеб. Однако он успокаивает себя предстоящей вечеринкой, которую они организуют вместе с Ужасом, где он, наверняка потрахается с кем-то.

Да, Глеб не является любителем заводить постоянных любовниц. Его последняя интрижка закончилась около полугода назад, продлившись два месяца. В среднем, если подобные взаимоотношения и появляются у Глеба, они дольше и не продолжаются, поскольку при большем сроке, помимо секса появляется ещё куча всего лишнего, действующего на нервы. Тем более, Глеб ещё не встретил девушку, которая смогла бы полноценно удовлетворить его потребности и желания... Всё же, надо учитывать то, что в его голове уже поселилась одна, из-за чего этому произойти, мягко говоря, трудно. «Люблю одну, ебу другую... других», — пускает невесёлый смешок Глеб, валясь на двуспальную кровать.

— Глеб, свали по-братски.

Заостряет внимание на изящной шее, где уже еле виднеются оставленные им засосы.

— Только посмей... — он хватает её за руку, безжалостно потянув на себя, — Глеб! — валит Нику на кровать, — Я буду жаловаться! — пускает смешок, отталкивая навалившуюся на неё грудю мышц.

— Если завалишь меня, то... так уж и быть, оставлю тебя.

— Ты двадцатилетний огромный лось! Ты меня раздавишь... — хрипит, не переставая пускать смешки, после вовсе заливаясь смехом, когда он начинает щекотать.

Но в Веронике вдруг просыпается невероятное желание победить, и дело уже не в том, что после она поспит одна, а в том, что в последний раз она выигрывала старшего лет в десять. В глазах загораются неподдельный азарт.

Неожиданно для Глеба, Ника резко сосредотачивается, сжимает его шею своими пальцами, толкая ногой в бок и меняя их местами. Усаживается на крепком животе, не убирая руку. Взгляды пересекаются, Вероника заостряется на карих глазах, наблюдая, как удивление в них сменяется на интерес.

— Сам напросился, — давит на него, нависая, шепча слова слишком двусмысленно, — И кто из нас теперь Папочка?

— Принцесса, ты же не хочешь сказать, что это ты?

— Нет. Потому что это скажешь ты!

Коротко посмеявшись на заявление Ники, Глеб начинает вставать прямо с ней на себе.

— Эй! Я выиграла!

— Нет. Я же не сдался.

Принимая вызов, Вероника хватается за крепкие плечи, пытаясь припечатать Глеба обратно к кровати.

— Какая страсть, Ника, — тянет уголок губ в довольной ухмылке, подминая её под себя.

Глеб занимает гораздо более выгодное положение, находясь, в отличие от Сафоновой, в вертикальном положении. Сжимает её ноги вместе своими коленями, тем самым удерживая на месте. И Вероника прекрасно осознаёт, что, если он поймает и руки — дело дрянь.

Тяжело дышит, выворачивается из-под Глеба, пытаясь всё ещё выиграть. Ощущает, как сжимают правое запястье, кусает в ответ мужскую руку.

— Блять, — ругается Глеб, но не отпускает.

Ника умудряется перевернуться, желая спрятать левую руку от старшего, но впоследствии собственноручно заламывает себе правую, которой и так уже завладел Глеб.

Глеб, в свою очередь, с удовлетворением проходит излучающим взглядом по беспомощной фигурке, после комфортно усаживаясь на женских ягодицах, припечатывая к матрасу.

— Мм... очень удобно, честно говоря, — продолжая удерживать тонкое запястье, подмечает Сафонов.

Ника недовольно пыхтит, разочаровавшись в своих силах и тактике, — Глеб... встань, ты меня раздавишь! — с болезненными нотками говорит она, — Глеб... мне дышать нечем...

— Эй, — он моментально напрягается, теряя весёлый настрой, — ты как? — привстаёт на коленях над сестрой, но ещё не отстраняясь полностью, оставляя её между ног.

Чувствует, как ослабляется хватка, быстро вскакивает, но вместо свободы врежется бёдрами в Глеба, оставаясь на четвереньках.

— Сучка.

А когда он снова заламывает кисть и вовсе утыкается лицом в подушку. Не будем скромничать и назовём вещи своими именами — Вероника стоит раком.

Глеб не стесняясь изучает желанную девушку в столь откровенной позе прямо перед его пахом. Пожирает темнеющими глазами притихшую фигуру, сглатывает, чувствуя приятное тепло, обволакивающее член от тесного контакта с задницей Вероники.

— По-моему самое время назвать меня Папочкой, — с лёгкой хрипотцой басит Сафонов, сильнее сжимая её запястье.

— Я чувствую твой член, Глеб, — холодно проговаривает девушка, констатируя факт, дабы он отодвинулся.

— Но не так, как надо. Это ты тоже чувствуешь, верно?

Он, что, засмущал её? Это всё ещё реально?

— Глеб... хватит, — с просвечивающейся ноткой смущения, мягко требует Ника.

Что действительно напрягает, так это её реакция на подобное поведение сводного брата. Будто тело становится легче, живот наполняется бабочками, а за спиной вырастают крылья. Вероника никогда не испытывала такого «окрыления» в подобных ситуациях.

Между ног уже влажно, а дыхание тяжелеет далеко не от усилий выбраться.

— Сдаёшься? — совсем хрипло доносится из-за спины.

— Да, Папочка, — слишком маняще, слишком спонтанно и неосознанно, слишком сладко для мужского слуха.

Глеб сглатывает, не веря, что ему не послышалось, и понимание того, что это не игры его испорченности и фантазий — затмевает рассудок.

Ника, меньше секунды спустя, после сказанной фразы, «приходит в себя», будто выныривая из наваждения, не до конца осмысливая, что это было.

— Бро, правда, пусти, — как можно более дружески проговаривает Ника, желая уменьшить значимость прошлой брошенной фразы.

— Бро? — хмыкает, устраивает свободную руку на аппетитной ягодице, — Почему же не Папочка? — нагло вопрошает Глеб.

Ника нехотя ощущает пробежавшие по телу мурашки. Чувствует большую поглаживающую ладонь на ягодице, пытается держаться холодно, не поддаться навстречу, не выгнуться сильнее. Она держится, с осознанием того, что это брат... сводный.

— Потому что ты мой брат, а я твоя сестра, — как можно спокойней проговаривает она, — Хороший аргумент, не правда ли? — голос звучит гораздо слабее, чем хочется, и Глеб это слышит.

— Что же получается... — саркастично басит Глеб, — в ту секунду ты забыла об этом.

— У меня затекло уже всё, пусти.

— Отвечай, — шлёпает Веронику по заднице, после снова возвращая на неё ладонь.

— Глеб! — возмущённо повышает голос Ника, одновременно негодуя на радушный приём его действий своего тела.

— Отвечай, — снова шлёпает.

Ника не сдерживается, громко вдохнув от осязаемого, будоражащего удара его руки. Упрямо отводит свои мысли в другое русло, отвлекая себя от того жара, который распространяется по всему нутру из-за столь чёткого ощущения мужского крепкого достоинства сквозь ткань штанов прямо между ног.

— ... возможно, — сдаётся, — а теперь, не беси меня! Отпусти и желательно свали в свою комнату, — отстранённо и с нотками строгости говорит Вероника.

Нехотя отпускает её запястье, отстраняется, ложась рядом.

— Я вообще-то выиграл.

— Нечестно, — переворачивается на спину, тянется, — ты сказал, если я тебя завалю... а я тебя завалила.

— В любом случае, в конце концов, не я стоял раком.

— Знаешь... честно сказать, не хотела бы увидеть тебя в этом положении.

Глеб пускает весёлый смешок.

— Мне счесть это за комплимент? — изгибает густую бровь, рассматривая красивый профиль.

— Как хочешь, — пожимает плечами, направляется в сторону шкафа, под уже привычным наблюдающим взглядом и взяв с полки свежую кружевную пижамку, идёт в ванную.

— Я в душ, — тянет ручку двери вниз, открывая дверь.

— Ник?

— М?

— Ты... — вначале Вероника думает, что ей кажется, но... её брат замялся? Такое вообще возможно? — тебе действительно так не нравится спать со мной? — это не звучит жалко или неуверенно, нет. Глеб просто редко задаёт серьёзные, действительно волнующие его вопросы.

— Ты сейчас напоминаешь мне типичную тёлочку, которая надумала себе что-то, а потом страдает, — замечает как тёмная бровь ползёт вверх, — Откуда ты вообще взял, что мне не нравится? Очень даже нравится, откровенно говоря. Даже учитывая то, что ты можешь иногда мне выдать, — приподнимает бровь подобно брату, — С тобой уютнее и... спокойнее, но это уже как посмотреть, — пускает смешок, — Но так же я люблю спать одна, понимаешь? Ну и, конечно же, без беспокойств на тему того «не приспичит ли моему братцу сделать что-нибудь

менее братское в следующую секунду». А, и ещё, нередко ты меня так сильно сжимаешь, что я начинаю чувствовать себя мягкой игрушкой, — слышит басистый смех, улыбаясь в ответ.

— Не отрицаю.

От сердца действительно отлегло. Как бы Глеб ни внушал себе, что ему всё равно на её ответы на подобные вопросы, и он всё равно будет делать так, как считает нужным... её ответ успокаивает.

Вероника закрывает за собой дверь в ванную, запирается. Замирает подле неё, неморгающе рассеивая свой взгляд. Ловит звенящую тишину, ощущая, как над головой нагнетает туча из противоречий, вопросов, непонимания. Стоит, не шевелится, чувствуя, словно на неё надели очень тяжёлый бетонный шлем, в то время пока в нижней части её тела словно распускаются цветы. Сердце бьётся через раз, словно в замешательстве делая шаги то влево, то вправо.

Ника громко выдыхает, будто не дышала всё это время, чуть мотает головой и морщится на долю секунды, включает душ, неторопливо снимая с себя спортивную одежду.

Глава 7: Она

Девять тридцать, вечеринка уже должна была начаться, а Вероника смотрит фильм. Липу же она сказала, что придёт не раньше десяти, опаздывая. Но на данный момент не была готова от слова «совсем», не выбрав даже наряд. Брат ещё не ушёл, поэтому девушка не рискует начинать краситься и одеваться для сегодняшнего события. Он и так никогда не отличался скромностью в вопросе о посещении её комнаты, а сейчас и вовсе страх потерял, имея наглость врываться даже в запертую дверь, чего раньше не делал.

Почувствовав голод, Вероника откидывает в сторону ноутбук, вставая с кровати и направляясь в сторону кухни за оставшимся куском пиццы.

В кармане вибрирует мобильник, и Ника, хищно захватив зубами остывшую пищу, снимает блокировку с экрана, читая ответ Липа по поводу сопровождающих её близняшек.

Лип: Сексуальное трио.

Вероника хмыкает про себя, начиная печатать ответ и двигаясь по направлению к своей комнате, однако дверной проём кухни преграждает большая фигура.

— Ника.

— М? — отрывая взгляд от телефона, вопросительно смотрит на старшего.

— Погладь мне футболку.

— А волшебное слово?

— Пожалуйста, — улыбаясь в тридцать два зуба, покорно говорит Глеб.

— Ты со мной уже больше десяти лет живёшь и никак не запомнишь, что у меня руки не из того места растут? — умудряясь обойти брата, Ника снова переводит взгляд на экран.

— Блять, Ника! Ты вообще женщина? — хоть и не особо серьёзно, но всё же возмущается Глеб.

— Что за сексистские убеждения? — хмыкает девушка, изгибая бровь и бросая взгляд на Глеба. Не горя желанием продолжать разговор, хочет закрыть дверь в спальню, но мужская рука мешает это сделать.

— Не беси меня. Почему так сложно помочь любимому брату?

— Блять, Глеб... ладно, — привычно закатывая глаза, девушка идёт в сторону комнаты Сафонова старшего, где он предусмотрительно поставил гладильную доску с утюгом.

Послушно взяв протянутую белую футболку, Вероника принимается выполнять просьбу «любимого брата».

— А ты у меня в феминистки подалась? — с долей сарказма вопрошает Глеб, попутно снимая домашние треники и оставаясь в одних боксёрках.

— По-твоему, если мне не нравится сексизм, я феминистка? — поднимает на него глаза, изгибая тёмную бровь. Неосознанно проходится взглядом по мужественной фигуре. Секунду спустя одёргивает себя.

— Не без этого, — басит Сафонов, надевая джинсы и застёгивая ремень, — симптомы у тебя имеются.

— Симптомы? — Ника фыркает, демонстрируя пренебрежение.

— Хочешь сказать, что это не так?

— Я просто считаю, что нельзя так обобщать. Тема феминизма сложна и противоречива во многих моментах, но... Вообще скажу тебе свою точку зрения. Приведу грубый пример, но постарайся понять.

— Валяй, — коротко отвечает Глеб, но на Нику смотрит с интересом.

— Например, если скажут, что в строительном суровом бизнесе женщине не место — я возмущусь, ведь многие женщины гораздо рассудительнее, собраннее и расчётливее представителей мужского пола. Но если скажут, что мне не место в этом суровом строительном биз-

несе — скорее всего, я соглашусь. Если скажут, что женщины должны готовить и убирать — я возмущусь, но если скажут именно мне...

— Ты тоже возмутишься, — издаёт смешок Глеб, намекая на её нежелание заниматься домашним бытом.

— Ну...

— Короче, ты хочешь сказать, что тебя возмущает, когда ущемляют женщин, но совершенно нормально, если это касается именно тебя?

— Это не «ущемление меня». Ты делаешь вывод обо мне, опираясь на мой характер и особенности поведения, пол здесь уже не играет столь важную роль. В то время как обобщая всё словом «женщины», ты не опираешься на качества каждой личности в отдельности, ты опираешься исключительно на пол... втирать эту тему дальше у меня желания нет, так что, проедем, — пожимает плечами, отдаёт брату футболку.

Вероника плюхается на кровать, ощутив, как Глеб опускается рядом.

— Я не претендую быть главнее или даже наравне именно в отношениях с мужчиной. Мне нравится, когда мне придерживают дверь, хотят заплатить за меня в кафе, делают первые шаги, ну и вся прочая хрень...

— Мм... — вот тут-то Глеб и цепляется за необходимую ему информацию, — тебе нравится быть нижней, — нависает над ней, скорее утверждая, нежели задавая вопрос.

— Так, вали уже на свою тусовку и прекращай этот братский флирт. Нашёлся альфа у меня. Всё бы ничего, но ты мой брат, — саркастично говорит Сафонова, пуская смешок.

Глеб не замечает за собой, как пристально изучает Веронику. Иногда он задаётся вопросом, может ли быть такое, что она кажется ему настолько красивой из-за того, что он влюблён, но потом всё же приходит к выводу, что Ника действительно настолько прекрасна, и даже чересчур привлекательна.

Возвращаясь к голубым глазам, Сафонов вдруг нежно улыбается, отчётливо ощущая, как тепло распространяется от груди по всему телу, превращаясь в счастье.

В мыслях эхом проносятся слова Вероники, возвращая в реальность и вызывая противоречивые ощущения. Она нередко может выкинуть что-то, на что можно посмотреть с очень разных углов, тем более, его влюблённый мозг делает своё дело.

— Ты со мной заигрываешь, — шутливо выносит вердикт Глеб, соблазнительно улыбаясь.

— До твоего уровня мне далеко, братец, — в тон ему отвечает Ника, — хватит уже валяться, ты говорил, что опаздываешь.

— Да ладно... я же не на свой день рождения еду, - на какой-то момент голову посещает мысль вовсе не ехать туда, поскольку свою часть по организации он уже всю сделал, - Может мне не ехать?

— Так! Не раскисай! Встал, отжался и пошёл. Тебе нужно кого-нибудь трахнуть, — брови Сафонова приподнимаются, а из приоткрытых губ вырывается короткий смешок, — или в скором времени этим «кто-нибудь» стану я!

— Неужели это такой плохой расклад событий для тебя?

— Ага, да заебись вообще, — сарказм так и режет слух, — инцест — дело семейное, как говорится.

— Мы сводные.

— Иди уже.

Глеб лениво отстраняется от неё, берёт с рабочего стола серый картхолдер и выходит в коридор.

— Может всё же наденешь кожанку или толстовку? — проходясь по нему оценивающим взглядом, с просвечивающейся ноткой беспокойства вопрошает Ника.

— Мама, всё хорошо, — издевательски отвечает он, но всё же получает явное удовольствие от довольно редкой заботы с её стороны в подобных ситуациях.

— Ладно, — не наседает, — пока.

— Пока.

Поцеловав слегка колючую щёку на прощание, Вероника, наконец, выпроваживает Глеба, свободно выдыхая и воодушевлённо направляясь к шкафу.

22:40

Втиснувшись в узкие чёрные брюки, надев в тон им короткий топ и сорочку, Ника красит пухлые губы ярко-красной помадой, чётко вырисовывая контур.

Заканчивает, убирая кисточку в косметичку, пишет близняшкам, недовольно взглянув на время.

Пошлые шлепки заглушает громкая музыка за дверью ванной. Но у Глеба здесь играет своя любимая песня — женские стоны. Не то чтобы ему особо важно доставить удовольствие малознакомой партнёрше, но не обделяет он её точно.

Задирает светящееся под неоном платье ещё выше, без жалости шлёпая сочную ягодицу, сжимая после большой ладонью покрасневшую кожу. Ударяется в ритме об аппетитные бёдра, податливо сотрясающиеся волнами от его толчков, приковывая к себе взгляд, возбуждая.

Сильнее наматывает на кулак длинный хвост, меняя позицию, притягивая голову незнакомки к себе, припечатывая язык к чувствительной шее, довольно улыбаясь от протяжного будоражающего стона под ухом. Закусывает губу, вколачиваясь в девушку, поверхностно чувствуя, как приятно и необходимо влажные тёплые стенки сжимают член. Не прислушивается к ощущениям, отдаётся животному порыву, действуя грубо.

Бросает взгляд на запотевшее зеркало, сверкая горящими в неоне белками. Нагло срысывает платье с женской груди, оголяя внушительный бюст, возбуждающе прыгающий от каждого нового толчка. Пересекается взглядом с незнакомкой, облизываясь, наблюдая, как её рука сползает вниз, как пальцы начинают массировать клитор, отчего она сильнее стискивает в себе его член.

— Сильнее! Да... — кричит девушка.

Ожесточается, вбиваясь по самые яйца. Стискивает зубы, проявляя жилы на выраженной челюсти, ощущая, как по девушке проходит лёгкая судорога.

Грязный, дикий, одноразовый секс, без ванили и лишних чувств. Исключительное удовольствие.

Ударяется с характерным звуком об аппетитную задницу, шлёпает, совершая последние толчки. Задерживается внутри, сильнее натягивает волосы на кулак. Кончает, не щадя сжимая женское бедро. Прикрывает слегка закатившиеся глаза, громко выдыхая и расслабляясь.

Отстраняется, слегка ударяя напоследок горячей ладонью упругую ягодицу. Приводит дыхание в норму. Выкидывает использованный презерватив в мусорку. Застёгивает кожаный ремень.

— Хорош, — приводя себя в порядок, довольно говорит брюнетка.

Глеб тянет губы в довольной обворожительной улыбке, оглядывая сексуальную незнакомку.

— Ты тоже, — подмигнув и перекинувшись с ней последним взглядом, Сафонов покидает ванную комнату.

В коридоре много людей. Загородный дом буквально забит. Как говорится: «здесь друзья друзей и друзей друзей».

Дом оборудован специально для вечеринок, недалеко от центра.

Глеб и Ужас сняли его на двадцать четыре часа, решив подзаработать и повеселиться.

Глеб садится за барную стойку между Липом и Саймоном.

— Блять, она что-то сильно опаздывает.

— Не парься.

— Легко тебе говорить... О, она написала!

— Что же?

— «Буду через 10 минут». Фух.

— Ужас, ты так её описываешь и беспокоишься насчёт её появления, что она мне уже самому начинает нравиться. Если мои ожидания не оправдаются, я расстроюсь.

— В любом случае, ты пообещал мне, что поможешь её...

— Выебать? — перебивает друга Глеб, — конечно, — пожимает плечами.

— Ловлю тебя на слове.

— Саймон?

— М? — он оказывается самым пьяным.

— Что случилось?

— Ничего, — отводит плечом, — а как девушку зовут?

— Вероника, — легко отвечает Лип.

— Вероника? — машинально переспрашивает Сафонов, сразу одёргивая себя, заставляя свой мозг вспомнить, что не всё вертится вокруг сводной сестры.

— Ага.

А вот пьяная голова Саймона напрягается.

— Напомни, где ты с ней познакомился?

— Клуб такой на углу, недалеко от университета нашего с Глебом... всё время забываю, как он называется...

Сглотнув, Бланкар лезет в мессенджер.

Саймон: Ник, ты уже на вечеринке?

Ника: Нет, минут через десять там буду.

«Если это то, о чём я думаю, то именно так выглядит пиздец», — нервно перебирает мысли Саймон.

Саймон: Вали домой!

Пальцы не слушаются, перед глазами всё плывёт, сообщения не отправляются.

Саймон: Тут твой брат!

Но подруга не отвечает ни на звонки, ни на сообщения.

— А у тебя нет её фотки с лицом?

Саймон бледнеет и краснеет.

— Не-а, у неё аватарки нет, а другие соцсети она мне не дала. Ты все равно увидишь её через пару минут.

Бланкар только не может понять, это его пьяный мозг так всё утрирует или это всё и вправду идёт в огромную задницу.

— Бро, ты кому там так яростно пишешь?

— С днём рождения знакомого поздравляю, — первое попавшееся ляпает парень.

Пожав плечами, Глеб снова переводит взгляд на неподалёку стоящую девушку в короткой юбке.

— Глеб, ты уймёшься когда-нибудь? Как я помню, ты только пять минут назад трахался с какой-то тёлкой в ванной.

— Это было уже пять минут назад, — тянет губы в довольной ухмылке.

— Твоё либидо непостижимо, Сафонов... — качает головой улыбающийся друг, — интересно, тебя способна удержать одна женщина? Если да, я хочу её увидеть.

— Может, познакомлю вас как-то.

— Глеб, очень мало людей, которые обладают похожим по размерам на твоё либидо и желанием экспериментировать. А ты, даже пока что не потрахавшись с этой девушкой, да ещё и с учётом того, что она, как ты говоришь, девственница, с помощью чего мы можем сделать вывод, что она неопытна, утверждаешь, что она тебя удержит. Да, ты её любишь, но всё равно... Бро, даже с учётом того, что я романтик, в это слабо верится.

— Посмотрим, — невесело хмыкает Глеб.

Сразу собирается, не давая себе задумываться об этом.

— Так, они должны подъезжать уже. Вы со мной?

В эту секунду в пьяной голове Саймона пролетает слишком много мыслей для такого состояния.

— Бро... ну зачем тебе идти?

— В смысле? — уже поднявшись со стула, изгибает бровь Сафонов.

— Там же к нему девушка приезжает, а не к тебе.

— Ага, а ещё две близняшки, — довольно улыбается Глеб.

— Где-то здесь тоже были близняшки...

— В чём дело?

— Хочешь за мой счёт выпить?

— Саймон, — звучат первые предупреждающие нотки.

— Подожди, выпей со мной.

— Не еби мозг, пошли уже.

— Глеб...

Но друг уже направляется к выходу, и Бланкару ничего не остаётся, кроме как пойти за парнями и надеяться, что его догадка — выдумка нетрезвости.

Прохладный ветер хорошо обдувает разгорячённое тело, покрывая кожу мурашками. У дороги стоит ещё не менее десяти курящих людей, а вдалеке уже виднеется машина.

Глеб останавливается около своего друга, закуривая сигарету.

— Лип, чё ты напрягся-то так? — пускает смешок при виде чересчур сосредоточенного друга.

— Я не напрягся.

Саймон останавливается в метре от Глеб, до последнего надеясь, что ошибается, но, когда открывается дверь и показываются две одинаковые головы близнецов, надежд не остаётся. «Пиздец подкрался незаметно», — рвано выдыхает Бланкар.

Глеб переводит взгляд на остановившееся неподалёку чёрное авто, обводя с интересом двух девушек, похожих друг на друга как две капли воды, ловя себя на мысли, будто он их уже где-то видел.

— Вот это моя компания на сегодня, — двусмысленно подмечает Сафонов. — И где твоя непунктуальная сучка?

— Смотри, — друг кивает в сторону транспорта.

Глеб будто в замедленной съёмке поворачивает голову, буквально врезаясь тёмными глазами в длинноногую девушку. Но стоит ей сделать пару шагов в его сторону, и женское лицо неумолимо приобретает чёткость.

Слегка мотнув головой в неверии, Глеб безошибочно узнаёт свою сводную сестру. Рот неосознанно приоткрывается, роняя сигарету на асфальт.

— Она, — довольно констатирует Лип, отрезвляя Глеба.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.